

БАРБАРА МОРРИГАН

НЕ СПЯЩИЕ

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М80

Иллюстрация на обложке *MLarty*

Дизайн переплета *Кати Петровой*

Иллюстрации на форзаце, нахзаце и в блоке
Барбары Морриган

Морриган, Барбара.

М80 Неспящие : иллюстрации автора / Барбара Морриган. — Москва : Эксмо, 2023. — 544 с. : ил.

ISBN 978-5-04-168844-8

В Аструме уже несколько лет бушует эпидемия эгерума — загадочной болезни, погружающей людей в вечный сон. Борьба с ней бесполезно, противостоять — невозможно, хотя врачи не оставляют попыток.

Тори — простой мальчишка, который любит хорошее пиво, шумные кабаки и красивых девушек. Но загадочная смерть его отца, врача, меняет все.

Что скрывает молодой аптекарь по имени Абео?

Можно ли верить девчонке, утверждающей, что разгадала тайну людей с черными глазами?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-168844-8

© Морриган Б., текст, 2023
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2023

В хорошей кабацкой истории всего понемногу. Незамысловатая завязка: стечение обстоятельств, которое могло случиться с каждым из нас. Герой, достаточно сильный и смелый, чтобы свернуть горы, но в то же время простой и понятный. Как твой старший брат или парень из соседнего двора. Героиня, загадочная и притягательная, сильная духом и добрая сердцем. И долгая дорога впереди. В хорошем рассказе найдётся место и смеху, и слезам, и радости, и боли. И, разумеется, поучительному финалу, где всё встаёт на свои места. Конечно, в зависимости от рассказчика, история может меняться, и на месте бравого героя оказывается круглый дурак, а все дороги, героини, слёзы и радости, подвиги и клятвы сливаются в одну безвкусную и пёструю картину, где не отличишь добра от зла, а глупой шуточки от грубого фарса жизни. Но важнее всего соблюсти баланс правды и вымысла. Поверят тебе или нет – совершенно не важно, если слушатель отлично провёл время за кружечкой пива.

Часть I

Глава 1

ГОРОД НА РЕКЕ

*Нет в мире силы могущественней,
чем человеческая глупость.*

Флюмен. Эврийские провинции. Аструм

Медная монетка тихо звякнула о поверхность рельсов. Ритмичный стук колёс приближающегося поезда нарастал с каждой секундой.

— Ну всё, хватит! — Четырнадцатилетний Декси Рамио нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

— Цыц! — шикнул на него Тори и продолжил с осторожностью выкладывать рыжие кругляшки на гладкую поверхность. Тори действовал с видом бывалого знатока: он дожидался, пока машинист заметит его, и отступал в самый последний момент, едва не оказавшись под колёсами. Рассчитать время нужно было с точностью до секунды: чем сильнее поезд успеет замедлиться, тем больше вероятность, что монеты превратятся в ровные блинчики вместо того, чтобы разлететься в стороны. Пожалуй, это умение было одним из величайших достижений Тори за все девятнадцать лет жизни.

Наконец Тори отпрянул и бросился в кусты. Декси с облегчением выдохнул и последовал за другом. Он постоянно уговаривал Виатора сходить к железной дороге, но при приближении поезда робел. Сколько раз он слышал истории, как мальчишек ловили за подобными шалостями путевые обходчики! Заканчивались все эти байки самым непредсказуемым образом: порой проказники получали выговор,

а иногда оказывались за решёткой, а то и вовсе на плахе. Последний вариант обычно можно было услышать из уст родителей или городских стражей. Их хлебом не корми — дай запугать честного гражданина, который не замышляет ничего дурного, кроме как расплющить пару старых монет без особой на то причины!

Поезд промчался мимо исполинским призраком. Увенчанный золотыми крыльями и напоминающий огромную птицу, он сиял в солнечных лучах. Тори всегда завораживала железная дорога, и в глубине души он представлял, что мог бы стать проводником или даже машинистом и что колесил бы по империи в нарядном бордовом мундире с золотыми застёжками. Но на роль проводников выбирали людей пижонистых и совершенно невыносимых. Тех, которые всегда говорят «спасибо», «пожалуйста» и «доброго вам дня». А от машинистов и вовсе требовали заоблачных умений, например управлять поездом. Возмутительная несправедливость! Однако Тори не унывал: на самом деле идея работы как таковой мало пересекалась со сферой его интересов. А вот выпивка, вкусная еда и красивые девчонки — очень даже! И не просто пересекались, а составляли её целиком. Так что профессия котельщика его вполне устраивала: она приносила деньги на всё вышеперечисленное, но не требовала особых умений и не вынуждала мыться чаще раза в неделю.

Земля задрожала под колёсами проносящихся мимо вагонов. Они промелькнули пёстрой вереницей и вскоре исчезли вдалеке, теряясь за поворотом, скрытым лесной зеленью.

Парни выскочили из кустов и в нетерпении бросились туда, где оставили свои сокровища. К их разочарованию, на рельсах осталось всего два медных ория, один из которых к тому же дал трещину.

— Вот же дрянь, — вздохнул Тори, опускаясь на корточки.

— А я говорил — нужно брать эсы! Они не трескаются...

Для умного не по годам парнишки, каким прослыл Декси, в вопросах экономики он был удивительно легкомыслен. Узнай его мама, что Декси выложил на рельсы серебряные эсы, она бы отвесила ему такую звонкую затрещину, что вздрогнули бы даже боги.

— Сколько раз напоминать тебе правила? Мы транжирим только то, чем нельзя заплатить за пиво! Усёк?

Дальше началась лекция о жизненных приоритетах и финансовой грамотности. Смысл ее заключался главным образом в том, что вымогать деньги у матушки нужно с умом, иначе рискуешь остаться без выпивки, когда все остальные будут веселиться. Виатор Рэсис, он же Тори, он же гигант мысли всея Аструма, считал себя экспертом во всех жизненных вопросах, а потому никогда не упускал шанса поучить уму-разуму младшего товарища. Декси, впрочем, не возражал: он с малых лет следовал за Тори по пятам, равняясь на соседа и мечтая во всём на него походить. Мальчишка немного отставал в физическом развитии и выглядел ещё совсем ребёнком, а потому они с широкоплечим Тори до смешного походили на карлика и гиганта из старой эврийской сказки. Хотя Декси и был ужасно надоедлив, Виатор день за днём стоически терпел его присутствие. Порой он всем своим видом демонстрировал, что Декси сидит у него в печёнках, но в глубине души признавал, что крепко привязался к мальчику. Тори нравилось, что ему заглядывают в рот и уважают, в то время как ровесники не брезговали возможностью посмеяться над его умственными способностями и простодушием. Правда, сейчас Декси совсем его не слушал и явно витал в облаках с отсутствующим видом.

— Эй! Я для кого тут распинаюсь?!

— А?

— Бэ! Сонную муху проглотил, что ли?

— Прости, я просто... не выспался, — Декси широко зевнул.

— Ты ж до обеда дрых!

— Ага, но что-то всё равно в сон клонит. Может, погода...

— Такой молодой, а уже как старый дед бубнишь! В колене хоть не стреляет? А то на следующей неделе обещали дожди.

Декси насупился и тряхнул головой, отчего рыжие кудри рассыпались по загорелому лбу.

— Вот снились бы тебе такие сны, как мне, ты бы тоже не захотел просыпаться!

Тори мгновенно окунулся в воспоминания о прошедшей ночи. Прекрасные девушки с пышными формами подносят ему вино с лучших виноделен Аструма. Они от души смеются над его искромётными остротами, танцуют, прижимаются к нему так близко, что тёплая нежная кожа... Словом, ни одной причины просыпаться.

— И что же тебе такое снилось? Что ты внезапно стал императором?

— Нет. — Декси явно злило, что Тори не воспринимает его слова всерьёз. Он и вовсе засомневался, стоит ли рассказывать сон, но желание поделиться видением взяло верх. — Я видел... себя.

— Как интересно, — с напускным равнодушием протянул Тори.

— Но я был другим, — продолжил Декси, не обращая на него внимания. — Во мне как будто что-то... изменилось. Я стал сильнее — и совершал удивительное! Например, мог поднять огромный камень, не касаясь его!

— У-у-у! Прямо по волшебству? Может, ты потомственный охайский колдун? — саркастически поинтересовался Тори.

— Ага, тридцать раз. Я с тобой важным делюсь, а ты...

— Да ладно тебе! — Тори за шею притянул к себе мальчишку, кулаком растрепал ему волосы. Декси с трудом вывободился из крепкого захвата и недовольно фыркнул, но на лице его наконец засияла улыбка. Они с Тори были как братья, которые могут сколько угодно драться и задирать друг друга, но их особую духовную связь не нарушить никому.

— Ну так и что, прямо целый камень?

— Целый камень! Стоило только захотеть! И всё это было так... по-настоящему.

— А может, ты и правда можешь? Знаешь, как герои из этих твоих книжек!

— Брось, — смутился Декси. — Кто в это верит?

— А ты попробуй! Мало ли?

Воодушевившись, Тори принялся высматривать что-то под ногами. Его взгляд заскользил по булыжникам и сухим веткам и остановился на монетах, что всё ещё лежали на рельсах.

— А хоть бы и монеты! Начнём с малого!

— Тори, это был просто сон... — отмахнулся Декси.

Декси с детства тянулся к знаниям, как мотыльк к свету, и все пророчили мальчишке большое будущее. Его постоянно можно было застать с книгой в руках: он глотал всё подряд, от приключенческих романов и древних легенд до книг по астрономии и истории... До тех пор, пока не попал под покровительство Тори, разумеется. С тех пор книги перестали интересовать Декси, ведь Виатор Рэсис книг не читал. Да и возраст его предполагал, что Декси пора перестать верить в сказки, чем стоит гордиться, как и каждым прочим этапом взросления. И всё же глаза Декси заблестели, полные надежды. Каждому хочется верить в чудеса.

— Ну ладно, — робко кивнул Декси, немного поразмыслив. Он опустил на корточке возле рельса и осмотрел сплющенные монеты. Декси чувствовал себя ужасно неловко: что, если Тори пошутил и сейчас начнет покатываться со смеху от его жалких попыток? Однако его товарищ молчал и внимательно наблюдал, скрестив руки на груди. Казалось, ему и правда интересно. Декси постарался припомнить свой сон и сосредоточиться. Он поднёс пальцы к вискам и принялся сверлить монеты взглядом. Сердце забилось быстрее, а в груди потеплело от таинственного предчувствия. С каждой секундой Декси всё сильнее ощущал, как этот момент наполняется волшебством, как цвета вокруг становятся ярче, а его собственная кровь кипит, будто раскалённая лава. Он напрягся и покраснел, сжатые губы задрожали от напряжения, но ничего не произошло. Декси хотел было сдаться, но внимательный взгляд карих глаз товарища заставил его взять себя в руки. Он не может ударить в грязь лицом! Ни одно чудо в мире не даётся без труда. Декси глубоко вдохнул и сконцентрировал всё своё внимание на рыжине чеканной меди. Весь остальной мир перестал существовать, время растянулось вязкой смолой... Монеты задрожали! Декси не мог поверить своим глазам, но неровные медные края едва заметно колебались, ловя отражение солнечных лучей. Декси перестал дышать, в восхищении глядя, как совершает нечто невероятное... Из транса его вырвал оглушительный гудок. Кто-то схватил Декси за рукав и с силой потянул, отчего они оба кубарем покатались по земле.

Поезд пронёсся мимо, едва не зацепив парней, но Тори успел оттащить замечтавшегося товарища от путей.

— Совсем сдурел?! — закричал он, немного отдышавшись.

— Но я же... Ты видел? Я же смог...

— Да ни хрена ты не смог! — рявкнул Тори, поднимаясь на ноги и отряхивая штаны от придорожной пыли.

— Но монеты же...

— Рельсы дрожат, когда едет поезд! Это даже ребёнок знает!

Декси не ответил. Он растерянно сидел на земле и смотрел перед собой опустошённым взглядом. Значит, никакого волшебства не было? Простая физика? И почему наука всё время норовит разрушить загадочное очарование мира вокруг? Ей что, больше всех надо?!

Смягчившись, Тори помог другу подняться и постарался его приободрить, дружески потрепав по плечу. Кажется, его желание подурочиться вышло из-под контроля, и мальчишка и правда поверил в сказки. Теперь Тори чувствовал себя виноватым.

— Да ладно тебе, всё это колдовство — такая хрень! Пусть охайцы этими глупостями занимаются! Пойдём, — Тори хлопнул товарища по плечу, — а то к обеду опоздаем.

Кажется, в тот день на обед был рыбный суп. А может, каша с тушёными грибами... Все дни во Флюмене были похожи один на другой. Этот городок застрял где-то на границе западных и южных провинций империи — и точно так же застрял во времени. Здесь уже давно не происходило ничего необычного, и временами даже можно было понять местную шпану, поджигающую кошкам хвосты и ворующую апельсины с рынка — хоть какое-то развлечение. Для женщин это город пьющих мужчин, не владеющих ничем, кроме грубого ремесла. Для мужчин — город, где, кроме пьянства и чёрной работы, занять себя решительно нечем. Для богатых Флюмен — дыра, для бедных, впрочем, тоже. Ни тех, ни других здесь особенно и не встречается: флюменцы умудрились быть средними абсолютно во всём, от черт лица до уровня семейного дохода. Ну а для учёного, художника или любого дру-

гого пытливого ума Флюмен — настоящий кошмарный сон. Отсутствие имперской патетики читалось не только в отношении горожан к жизни. Сам городок выглядел соответствующе: если Мирах — величественная столица Аструма — напоминал павлина с роскошным оперением, то Флюмен скорее походил на ощипанного петуха. Когда-то его перья переливались нефритовой зеленью в лучах солнца, но сейчас добрая половина их полиняла, часть осыпалась, а оставшиеся торчат в разные стороны. Узким улочкам, тянущимся вдоль каналов, сложно было дать однозначное описание. Местами здесь сохранилась изысканная архитектура, принесённая ноттами много веков назад. Величие и значимость этого народа неоспоримы: именно благодаря им зародилась Пурпурная империя, получившая такое название благодаря заметным издалека роскошным знамёнам. Но едва ли былую величественность строений теперь можно было рассмотреть в запущенной потемневшей лепнине и мозаиках, половину чешуек которых давно отковыряли местные дети. А совсем фатальной ситуацию делали эврийские постройки, уродующие ландшафт своей угловатой незамысловатостью. Жители западных провинций, в отличие от южных соседей, уважали функциональность и не стремились к монументальному величию. Подобная участь ждала многие города, появившиеся после основания империи: ноттская эстетика накладывалась на традиции местных жителей, порождая отвратительный плод этого греховного союза, лишённый всякого художественного вкуса и последовательности. Но вслед за ноттскими порядками непременно следовало тепло, свет и единство перед лицом общего врага. Ради этого можно было потерпеть их вычурные мозаики и колониальные замашки.

Сейчас весь остальной мир застыл в томительном ожидании надвигающейся беды: Аструм глодала эпидемия эгерума, а мирный договор с охайцами, заключённый почти двадцать лет назад, подходил к концу. Некогда могущественная Пурпурная империя, в свое время освободившая целый континент от захватчиков Аш'Кхари, теперь балансировала над пропастью, и народ её был полон страхов и опасений. Но только не флюменцы. Они были полны праздной ску-

ки и умеренного провинциального гедонизма. Флюмен стоял на реке Стрелке вот уже много десятилетий и собирался простоять, наверное, ещё целую вечность, а если и пасть, то от скуки. Пока звёзды держались на небосводе, а Стрелка текла, остальные проблемы не имели значения.

История с монетами забылась быстро — как и все незначительные происшествия в жизни юного Декси. Уже на следующий день он снова пребывал в радостном расположении духа, и у него имелась на то веская причина: Тори пообещал взять его с собой в кабак этим вечером.

Рыжее солнце клонилось к горизонту так же, как и в любой день до этого. Даже закаты здесь были удивительно однообразны, но какой дурак вздумает жаловаться на надёжное постоянство? Именно об этом вспоминал Тори, в очередной раз приложив молотком по пальцу. Он провёл целый день, вырезая новый столовый гарнитур для эйри Люции Рамио, соседки и по совместительству строгой матери Декси. Вообще-то эйри Рамио попросила Тори о новом гарнитуре совсем не потому, что старый ей разонравился. Ей просто хотелось, чтобы мальчишки были заняты делом и Декси хоть чему-то научился. Но вместо того чтобы орудовать рубанком или учиться смешивать масляный раствор для обработки дерева, Декси только мешал.

— А когда мы уже в «Камыш»?

— Детям там делать нечего, — с напускной строгостью возразил Тори.

— Но ты же обещал! И что пиво дашь попробова...

Декси не успел договорить, когда Тори закрыл ему рот ладонью. На губах остался неприятный привкус масла и колючие остатки древесной стружки.

— Если будешь об этом трепаться, то точно не возьму! Твоя мама мне голову открутит, если узнает!

Отчего-то эйри Рамио возомнила, что Тори может оказать положительное влияние на её сына. Как можно догадаться, она судила о людях весьма поверхностно. Виатор был долговязым, с торчащими ушами и большим носом. Растрёпанные волосы торчали во все стороны из-под плоской бор-

довой кепки, явно знававшей лучшие дни. Стоит упомянуть, что шляпа для аструмца — обязательный атрибут повседневного образа. В маленьких городах на окраинах империи можно было встретить людей с десятком заплаток на заношенных штанах, но в роскошной шляпе с расписными полями и бубенчиками на концах атласных лент. Шляпник для жителей Аструма считался сродни мозгоправу: создавая головной убор для человека, он воплощал всё, что лежало у того на душе. Шляпу всегда выбирали по сердцу, выражая через неё свою индивидуальность. Или отсутствие оной, тут уж как повезёт. Поэтому совершенно непривлекательная пожёванная кепка на голове Тори кое-что говорила о нём. Выделялась она разве что цветом, возможно, отсылающим к его давней мечте о железной дороге. Но те, кто знал Виатора получше, с уверенностью бы сказали, что причина тому прозаична — дешёвизна ткани, подвернувшейся Тори под руку. Однако эйри Рамио всё это мало заботило. Соседский юноша был приветлив, руки у него росли из нужного места, и он всегда помогал своей матери. А значит — был достойным примером для подражания. Видела бы она, как он выползает из «Камыша», едва держась на ногах, или удирает от разъярённого отца очередной девчонки, к которой пробрался через окно... Пару раз Тори даже приходилось вылавливать из канала после того, как он спяну решал искупаться. Местные стражи с полудня ошивались возле кабака, угрожающе поглядывая на всех, кто сворачивал в сторону питейного заведения с главной улицы, но ни один суровый взгляд не остановит заправского пьянчугу. Если тот захочет плясать на барной стойке, а после полезть в канал, закатав штаны по колено, то на пути у него лучше не вставать! Если б только Тори платили за каждый стон, посвящённый гудящей голове на следующее утро... Он бы и эти деньги немедленно пропил.

— Так когда выходим?

Глаза Декси горели, как две луны в ясную ночь. По спине Тори пробежал неприятный холодок от осознания того, что когда-то Декси так же сильно радовался новым книгам. Но не теперь. Мальчишка был настроен серьёзно, и отвертеться от него уже не получится.

— Тебе ещё в университет поступать, а ты в кабак! — пожурил его Тори в надежде всё же переубедить упрянца. — Вдруг в столице об этом узнают и не возьмут тебя?

— Да я вообще не хочу ни в какую столицу, — насутился Декси. — Там наверняка скука смертная.

— Я слышал, там пиво по пятнадцать эсов, — мрачно припомнил Тори. — Весёлого точно мало. Эх, вот если бы в этих ваших университетах могли научить такой профессии, чтобы работать было не надо... Но тебе хотя бы будут платить пипендию, и сможешь покупать всё, что хочешь!

— Стипендию, — прыснул Декси. Тори всегда с трудом давались новые слова. — А поедем со мной? Будем вместе учиться, и отец твой был бы рад, что ты больше не котельщик!

— Между прочим, Сандр Силь тоже был котельщиком. — Тори явно задел выпад в адрес его работы. Он достаточно наслушался отцовских лекций о «благородстве» выбранной профессии, чтобы снова возвращаться к этой теме. — А в перерывах песни писал. И вот теперь известен на весь мир!

Имя Сандра Силя действительно было у всех на устах. Редкий вечер обходился без его песен, под которые сначала можно было стереть ноги в танце, а после — от души поплакать. Силь считался в некотором смысле национальным героем: простой чумазый парень из котельной, теперь собирающий полные залы в опере Мираха. Почти как Тори. За исключением того, что Тори ещё ничего не добился в жизни.

— Но ты ведь не пишешь песни...

— Откуда тебе знать? Может, и пишу. Просто тебе не исполняю.

— И слава богам!

— А что касается отца... Он может свою радость засунуть себе куда подальше. У него уже есть повод для гордости, а на меня он чихать хотел.

— Опять про своего пацана рассказывал, да?

— Угу. Раз в месяц поднимет задницу, чтобы аурограмму прислать, и то про нас там две строчки. А потом начинается: мы с Абео то, мы с Абео это...

Произнося это имя, Тори невольно поджимал губы и делался особенно нервным. Они с отцом не были близки уже давно, и всё же Тори каждый раз с нетерпением ждал от него вестей. Тэо Рэсис работал в столичном госпитале Непобеждённой, названном в честь Исиды, великой императрицы прошлых лет. Тэо помогал больным эгерумом — эта хворь захлестнула империю много лет назад, когда земли Аструма задыхались от крови, пролитой на Великой Войне. Люди засыпали, чтобы уже никогда не проснуться, и с каждым годом их становилось всё больше и больше. Врачи опускали руки, и многие из них готовы были даже отказать от своего призвания, лишь бы не столкнуться с этим ужасающим недугом лицом к лицу. Но только не Тэо Рэсис. Даже условие разлуки с семьёй не остановило его. Хоть он и мечтал перевезти их в Мирах и обеспечить лучшую жизнь, с каждым годом эти планы всё сильнее походили на сказки. Даже если бы этот хренов госпиталь был в двух шагах от дома Рэсисов, у отца всё равно не нашлось бы на них времени. А вот о своём прихвостне Абео он мог говорить круглыми сутками. Чистокровный борец, сирота, но такой способный, умный, горящий своим делом, готовый отдать последнюю рубашку... Словом, настоящий засранец.

— Они ведь большое дело делают. — Декси задумался. — Представляешь, если твой папа найдёт лекарство от эгерума?

— Представляю. Он тогда этому своему подпёрдышу вообще памятник поставит.

Тори уставился вдаль, глядя, как зажигаются первые фонари на мостовой.

— Знаешь, он ведь в этом месяце так и не написал.

Раньше отец предпочитал отправлять письмо с ласточкой, подходя с особым вниманием к выбору конверта, каллиграфически выводя каждую букву и помечая послание своей именной сургучной печатью. Но в последние годы он совсем обленился и перешёл на аурограммы. Тори так и представлял, как аурографистка с абсолютно равнодушным лицом клацает по блестящим клавишам. Звёздный свет в кристаллах аурографных столбов вспыхивает, унося сиг-

нал всё дальше, чтобы на выходе получился куций листочек с механическими бездушными буквами. Обычно он со­держал в себе такие же механические и бездушные «Как вы там?», «Опять не выйдет приехать» и «Подумай о своём образовании, Виатор». Тори ужасно злился из-за отцовского равнодушия. Работай тот хоть на самую Сиятельную при императорском дворе... Неужели это повод забывать семью? От этих мыслей на душе становилось так паршиво, что Тори не знал, куда себя деть.

— А знаешь что? Пошёл бы он на хрен. Он может подтереться своими письмами! А мы пойдём в кабак и будем там веселиться, как никогда.

— Вот это разговор! — обрадовался Декси. — Встречаемся у фонтана на площади после заката. Но смотри — маме ни слова! Усёк?

Декси оживлённо закивал и, прыгнув с верстака, умчался в сторону дома, чтобы как следует подготовиться к важнейшему событию в своей жизни.

Осень входила в расцвет, и сумерки теперь сгущались совсем рано. Вряд ли это спасло бы мальчишек от наказания, поймай их кто, но Тори был убеждён, что для тёмных делишек и атмосфера должна быть подходящей. Он отворил калитку, поморщившись от оглушительного скрипа. Пожалуй, действительно пора её смазать, а не просто обещать сделать это завтра же на протяжении полутора лет. Квинтий, как и подобает последнему трудовому дню недели, оживил улицы города — приближающиеся выходные всегда во­душевляли местных жителей, побуждая их бездельничать и кутить пуще обычного. Закончив все свои дела и предвкушая приятный вечер в кабаке, Тори вприпрыжку двигался вдоль канала, насвистывая под нос старую эврийскую мелодию. Даже перспективе быть оттасканным за уши из-за попытки проташить в питейное заведение малолетнего Декси не удалось испортить ему настроение. И только одно непредвиденное обстоятельство смогло помешать их плану...

В тот вечер Декси так и не появился.

Глава 2

ЧЁРНЫЕ ГЛАЗА

*Почему бобры строят плотины,
но плотва не строит бобринь?*

(Дневник гениальных мыслей
Виатора Рэсиса)

Всё утро сикстия Тори провалялся в постели. Солнечные лучи игриво пробивались сквозь окно мансарды. Виатор поморщился, закрываясь от света: похмельная голова была такой тяжёлой, как будто солнце снова и снова било его в лицо увесистым кулаком. Но к полудню дурнота немного отступила, и Тори повеселел. Он лежал, закинув руки за голову, и смотрел в потолок. Ему нравилось иногда уходить в себя и думать обо всём на свете. Для идеального эффекта можно было бы выйти в небольшой лесок на окраине города и побить палкой крапиву: в процессе сего высокоинтеллектуального процесса умных мыслей рождалось гораздо больше. Но сейчас, ввиду воздействия паров алкоголя на молодой организм, научные изыскания смысла бытия были временно перенесены в спальню. Тори допускал, что однажды на него снизойдёт озарение и ему в голову придёт идея для целой научной работы. Вот тогда он всем покажет!

Из размышлений его вырвал негромкий стук в дверь на первом этаже. Тори не сразу расслышал его и смог разоб-
раться, только когда тот стал настойчивее.

— Мам, кто там? — лениво протянул Тори, приоткрыв один глаз. Ответа не последовало. — Ма-а-ам!

Снова тишина. Неужели так сложно открыть дверь? Наверняка это была уловка, чтобы вытащить его из постели. А потом ты находишь в себе силы преодолеть бесконечное путешествие из спальни на кухню, и тут тебе вручают ведро с мусором или спрашивают, не видел ли ты вилку из фирменного сервиза дяди Ания. Ну конечно же, Тори каждую секунду думает о проклятых вилках, которые так срочно понадобились именно сейчас!

Тори грузно поднялся с постели и поплёлся к лестнице. Казалось, тело весило фунтов триста, а то и пятьсот. Спустившись на первый этаж, Тори обнаружил, что мамы нигде не видно. Ну конечно — в это время она всегда в городе: закупается на рынке, выводя из себя продавцов дотошными вопросами о свежести помидоров. Нерадивому сыну стоило бы помочь ей, но она никогда не дожидалась, пока он проснётся. Может, и не зря: после ночи обильных возлияний от Тори было бы больше вреда, чем пользы.

В дверь снова постучали: стук был настойчивым, но сдержанным. Гость явно не хотел показаться грубым, но и отсутствие ответа его не устраивало.

— Да иду я, иду! — огрызнулся Тори, взъерошив волосы и подтянув штаны. Это не сильно улучшило его внешний вид: изо рта всё ещё пахло так, словно там что-то умерло (помимо его надежд на лучшее будущее), а на опухшем лице красовались красные заломы от подушки. По дороге к двери Тори пытался угадать, кого принесла нелёгкая. Вот было бы здорово, если бы на пороге стояла фигуристая блондинка... Увы — скорее всего, это Декси припёрся, чтобы объяснить, почему не явился вчера. А может, ему ни капельки не стыдно и он даже не попытается придумать причину. А притащился, предчувствуя рыбные котлеты на обед. Да уж, у этого паршивца всё схвачено!

— Ну ты и хитрожопый, конечно, — оскалился Тори, выглядывая за дверь, но моментально осёкся: — Ой...

— Доброе утро, Виатор. — Эйри Люция смугилась, застав парня в не самом свежем виде и к тому же в одних штанах. Три куцые волосинки на груди Тори приковывали взгляд, и Люции пришлось сделать над собой усилие, чтобы не смотреть на них.

— Простите, я не знал, что вы зайдёте... Мама на рынке...

— Вообще-то я пришла к тебе. — Голос Люции звучал сухо и сдавленно. В нём звенели тревожные нотки, от которых Тори стало не по себе.

— Ко мне?

За всю жизнь Тори и Люция Рамио ни разу не оставались наедине. Он всегда шустро проскальзывал мимо неё

в комнату Декси, а на праздниках эйри Люция не отходила от его матери, не замолкая ни на секунду. Люция не относилась к тем матерям, которые принимают друга своего сына как родного и хлопчут вокруг него с тарелкой горячего супа, расспрашивая о девчонках и планах на будущее. Может, Люция и любила Тори, но не пыталась делать вид, что соседский отпрыск хоть сколько-нибудь интересуется её в качестве собеседника.

— Мне нужна твоя помощь, — туманно ответила она, потупив взгляд.

— Ох... Что ж... Конечно! — Натянув дежурно вежливую улыбку, Тори заметался в дверном проёме. — Дайте мне минутку...

Неловко скрывшись за дверью, он метнулся обратно в спальню. Тори наспех извлёк из кучи белья самую чистую на вид рубашку, затем быстро ополоснул лицо из умывальника, пригладил волосы и бросился обратно к дверям, по пути натягивая выдавшие виды коричневые ботинки из грубой кожи.

— К вашим услугам! — обворожительно улыбнулся Тори, но тут же стёр с лица улыбку, вспомнив, что запах изо рта никуда не исчез.

Семейство Рамио жило через двор от Рэсисов. Шесть невысоких домиков столпились в форме колодца на тесной улочке в Журавлином Квартале. Соседи давно знали друг друга и жили почти дружно, за исключением, пожалуй, эйра Брута и его крикливой жены. В некотором роде соседи были одной большой семьёй — со всеми вытекающими последствиями: они знали друг о друге всё, и ни одна сплетня не задерживалась в пределах одного дома дольше десяти минут. Иногда мать Тори могла часами заседать на кухне с эйри Люцией, и Тори волей-неволей узнавал о соседях гораздо больше, чем хотел бы. О самой эйри Люции он также был наслышан, но всегда старался пропускать мамину болтовню мимо ушей. Меньше всего на свете молодому парню хочется слышать, как от матери его лучшего друга ушёл муж, найдя себе молодую любовницу. И что она на этой почве начала выпивать и искать утешения в случайных связях.

Плетясь за эйри Люцией, велевшей следовать за ней, Тори хотел невзначай расспросить соседку о том, чем вчера вечером был занят её сын и почему бы ему самому ей не помочь. Но Люция шагала быстро и уверенно, не давая возможности завести разговор, так что Тори послушно следовал за ней до самых дверей.

Миновав пыльный двор, Тори и Люция оказались внутри дома. Его обстановку можно было узнать из тысячи: сразу чувствовалось, что здесь давно не хозяйничал мужчина. Бесконечные коврики, подушечки, расшитые скатерти и шторы, вазочки, тарелочки, статуэтки и картины... От этого «великолепия» начинало рябить в глазах. Впрочем, жившую здесь женщину хозяйкой тоже назвать было трудно. Всё вокруг тонуло в хаосе, везде чувствовался налёт запустения. Вещи, когда-то призванные украшать дом и создавать уют, теперь служили лишь для того, чтобы заполнить пустоту. В доме пахло дешёвыми духами и пудрой, сигаретами, пылью и печалью. Несмотря на дружбу с Декси, Тори старался бывать здесь как можно реже, и сейчас ему пришлось вспомнить почему.

— Так чем вам помочь? — Тори всеми силами старался сохранить нейтральное выражение лица. Он выискивал взглядом покосившуюся полку или подтекающий кран, но в этом доме сложно было однозначно сказать, что именно вышло из строя.

Люция молчала. Она закусила нижнюю губу. Когда Тори перестал глазеть по сторонам и наконец посмотрел на Люцию, то заметил, что она вот-вот заплачет. Он не знал, как себя вести: Люция, хоть и любила поговорить, всегда держала дистанцию с окружающими, и он никогда не мог даже представить её уязвимой. А даже если и мог, что он сделает? Утешать хорошеньких молодых барышень Тори был мастак: в его объятиях они быстро забывали о своих печалях. Но это был совсем другой случай. К счастью, Люция взяла себя в руки и наконец заговорила:

— Декси. Я не могу его разбудить.

— Ну да, он вообще любит поспать, — криво улыбнулся Тори.

— Ты не понял. Совсем... не могу.

Она быстрым шагом пересекла гостиную и поманила гостя туда, где располагалась спальня сына. Декси жил в небольшой комнатке под лестницей, и едва ли это место выглядело приветливее, чем весь остальной дом. Даже в те редкие моменты, когда там было прибрано (от одного до шести раз в год на религиозные праздники), запах стоял такой, что можно было вешать топор. Если вам когда-нибудь доведётся выбирать между сточной канавой и комнатой мальчика-подростка, смело выбирайте свалку.

В комнате было мрачно: свет почти не попадал сюда из-за маленького окна. Но сейчас, в самое светлое время дня, даже здесь осеннее солнце делало своё дело. Его отблески стелились по рыжим деревянным стенам и пёстрому ковру возле постели, где в данный момент спал Декси.

Люция остановилась в дверях, позволив Тори подойти к кровати. Он некоторое время смотрел на друга, вглядываясь в его лицо, а затем привычным движением толкнул его в плечо. Декси не отреагировал. Он выглядел как всегда: на щеках до сих пор виднелся румянец, медные волосы разметались по подушке, а дыхание было ровным, разве что различить его было сложнее, чем обычно.

— Он уже неделю спит слишком долго, — тихо пояснила Люция. — Я думала — просто устал. Вы ведь часто бывали на воздухе...

— Ага, — растерянно согласился Тори.

— А сегодня вот... Я и просила, и кричала, и пыталась насильно его поднять... Без толку. — Её голос задрожал.

В умах обоих крутилась мысль, которую никто из присутствующих не хотел озвучивать. Но она была настолько явной, что почти обретала форму и, казалось, становилась осязаемой. Именно такие симптомы проявлялись у тех, кого настиг эгерум. Людей охватывала сонливость, а затем их глаза становились чёрными, и они засыпали на многие месяцы. Несмотря на то что отец Тори посвятил жизнь борьбе с этим недугом, сам он почти ничего о болезни не знал. Только то, что эгеров забирают на Храмовый Остров, где о них заботятся и не дают уснуть вечным сном.

— А его глаза?.. — робко спросил Тори.

— Не знаю. Не смотрела, — тяжело вздохнула Люция.

Мысленно Тори осудил её за такую легкомысленность — неужели сложно проверить? Дело ведь касается здоровья её сына! Но, представив себя на её месте, он понял, что сам бы наверняка растерялся не меньше. В конце концов, не на все вопросы хочется знать ответы. Особенно на те, что ранят в самое сердце.

Виатор присел на край кровати, и пружины со скрипом прогнулись под его весом. Он аккуратно коснулся века Декси и приподнял его. Глаза мальчика подрагивали и метались, как бывает, когда человек видит яркий сон. Радужка, когда-то бывшая зелёной, как эврийские леса, теперь была абсолютно чёрной. Потеряв чёткие очертания, она слилась со зрачком, будто затянутая мрачным туманом. Люция не могла разглядеть этого с другого конца комнаты, но всё равно всхлипнула и закрыла лицо руками. Она уже знала правду, но слишком сильно боялась её принять.

Чайник засвистел, и, сняв его с печи дрожащими руками, Люция разлила кипяток в керамические чашки. Выдохшийся чай, затянутый мутной плёнкой, постепенно укрывал налёт на потрескавшемся доньшке. Теперь, когда буря миновала, они наконец могли поговорить о том, что делать дальше.

— Должны же быть другие способы. — Люция смотрела в тонкий просвет между задёрнутыми шторами пустым взглядом. Она поднесла плотно скрученную сигарету к тонким губам, затянулась и стряхнула пепел мимо пепельницы. — Кроме этого острова. Он ведь будет там совсем один.

— Зато его смогут вылечить, — неуверенно возразил Тори.

— Чуть. Никто ещё не вылечился. И не вылечится. Они сами не знают, что делать. Так он хотя бы останется дома.

Тори не мог спорить о том, о чём не имел ни малейшего понятия. Если бы отец сейчас был здесь, он бы точно разрешил все сомнения, но — какая ирония! — Тэо Рэсис находил

ся где угодно, но только не дома. Какое ему дело до Декси, Тори и других скучных обитателей провинциального Флюмена, когда можно лечить столичных шишек и крутиться под носом у самой Сиятельной?

Проведя ещё некоторое время с Люцией и убедившись, что она немного пришла в себя, Тори засобиравшись домой. Он пообещал связаться с отцом и убедить его приехать, но задача была не из лёгких. Если отправить аурограмму, аурографистка узнает, что Декси болен. Стражи не будут церемониться: как только до них дойдут эти новости, Декси заберут на Храмовый Остров силой. Можно было отправить письмо с грифоньей ласточкой, но кто знает, не перехватит ли его кто-то до того, как она доберется до адресата. Вероятно, Тори оставалось только отправиться в столицу и встретиться с отцом лично, попросив его о помощи. Он совершенно не представлял, что ему сказать, но и бросать друга в беде не собирался. Идея сообщить о нём стражам действительно казалась бредом. Кто вообще дал им право забирать людей от их близких и закрывать на дурацком острове? От этого ему точно не станет лучше. Тори прикидывал, сколько будет стоить дорога до столицы и получится ли ему поменяться сменами в котельной, чтобы выбраться к отцу. От этих сложных мыслей и так разболелась голова, как вдруг с улицы донеслись голоса. Тори и Люция вздрогнули и прислушались так напряженно, будто они прямо в эту минуту совершали что-то запретное. Впрочем, укрывать эгера вполне попадало под категорию «нарушение закона». Кто знает, чем всё это обернётся...

— Люция! — В дверь оглушительно забарабанили.

Люция поднялась с места и по-кошачьи неслышно двинулась к дверям. Она знала этот голос и меньше всего на свете хотела видеть этого человека сейчас, но с женой эйра Бруга шутить не стоило. Эта женщина и мёртвого из могилы могла достать, если ей что-то было нужно.

— Здравствуй, Роза. — Люция попыталась изобразить дружелюбную улыбку, но её губы невольно скривились. Она приоткрыла тяжёлую дверь так, что в узкую щель можно было разглядеть только треть её лица. Взбалмошная соседка сразу заподозрила неладное и, стараясь не подавать ви-

ду, принялась вытягивать шею в надежде заглянуть Люции за плечо и разглядеть, что она скрывает за спиной. К её несчастью, яркое солнце не оставляло ни единого шанса различить хоть что-то в мрачной гостиной.

— Виатор у тебя? — Неровно покрашенные красные губы Розы растянулись в лицемерной улыбке. Наверняка она уже сплела у себя в голове идиотский слушок о том, что Люция Рамио водит к себе мальчишку Рэсисов, и одни боги знают для чего.

— Да, — сухо ответила Люция, — они с Декси играют в Ловца Удачи.

— Вот как, — Роза помрачнела, не получив ни одной новой зацепки для своей отвратительной теории. — Тогда скажи ему, что у него гости.

— Гости? — вмешался Тори, выглянув из-за плеча Люции и скривившись от яркого света, ударившего в лицо.

Роза отступила, давая присутствующим разглядеть молодого человека лет двадцати пяти, всё это время стоявшего позади неё. Он был среднего роста, и всё в нём выдавало северные корни: бледная кожа, хрупкое телосложение, светлые волосы, достающие до плеч, и почти прозрачные голубые глаза, от которых даже становилось не по себе. Его шляпа напоминала скорее тюрбан, выполненный из дорогого фавийского шёлка с росписью. «Ну и пижон», — промелькнуло в голове у Тори.

— Да ведут вас небесные огни. Я ишу Виатора Рэсиса, — сдержанно пояснил гость. — Полагаю, это вы?

— Ага, я. — Тори вышел вперёд и прикрыл за собой дверь, чем окончательно лишил Розу возможности разжиться новыми сплетнями, заставив поспешно попроситься и скрыться в дверях своего дома. Тем не менее он отлично знал, что через мгновение шторы на её кухне дрогнут и из-за них покажется любопытный нос, неустанно несущий свою вахту в мире соседских жизненных перипетий. Тори вновь окинул взглядом своего собеседника. — Но ко мне лучше «Тори» обращаться. А то много чести. Чем обязан?

— Меня зовут Абео Альбус. Я приехал поговорить о вашем отце.

Услышав это имя, Тори немедленно испытал жгучее желание выставить наглеца за ворота. Если бы при этом удалось хорошенько съездить ему по лбу, было бы вообще замечательно... Но Виатору пришлось взять себя в руки и настроиться на диалог. Он даже проводил незваного гостя к себе в дом и, миновав двор в неловком молчании, пригласил войти, чего сам от себя не ожидал. Однако Тори быстро удалось оправдаться в своих глазах, когда он, распахивая перед северянином дверь, сделал это настолько карикатурно галантным жестом, что движение наверняка заставило Абео почувствовать себя крайне неловко.

Да уж, только его здесь не хватало. И какая нелёгкая могла принести этого индюка? Неужели это следующая ступень отцовского равнодушия и теперь он будет посылать себе на замену хлипкого борейца? Абео неуклюже переступил через порог и остановился посреди комнаты, нервно потирая костяшки пальцев.

— Ну садись, — Тори кивнул в сторону дивана, а сам развалился в кресле, широко расставив ноги. Он собирался дать этому уроду понять, что хозяин здесь только один и выделяться перед каким-то учёным лбом он не собирается. Хотя, если бы в словаре было слово «выделяться», рядом с ним был бы изображён именно Тори, валяжно раскинувшийся перед бедным северянином, всего лишь пришедшим поговорить.

— Спасибо, ты очень любезен, — сказал Абео и присел на край дивана. Интересно, он вообще улыбается? Даже при произнесении такой, казалось бы, нарочито вежливой фразы его губы не дрогнули в подобии улыбки.

— Так что там с отцом? — бросил Тори, стараясь не показывать своей заинтересованности.

— Ты человек дела, понимаю. Это хорошо. Ладно. Что ж, — Абео шумно выдохнул.

Кажется, эта речь давалась ему непросто, и Тори даже на мгновение стало жаль гостя. Но потом он вспомнил, сколько дифирамбов слышал в адрес этого человека от отца, который за всю жизнь сказал ему самому полтора добрых слова, и всё сразу встало на свои места.

— Эйра Тэо умер два дня назад.

Глава 3

АБЕО

Новость о смерти Тэо огорошила всё семейство Рэсисов подобно мешку с мукой, свалившемуся с верхней полки кухонного гарнитура. Не столько больно, сколько неожиданно. И вот ты стоишь, прибитый и лишённый способности трезво мыслить, и выглядишь как полный идиот. Попытайся отряхнуться или сразу бежать в ванную? А что, если мука слипнется в противные комочки в волосах? Так и после печального известия Тори совершенно потерялся, не понимая, что должен делать. Даже мама справлялась лучше: она целыми днями была занята приготовлениями к церемонии прощания и никому не позволяла себе помогать. Как будто возможность постоянно быть занятой облегчала её душу и не оставляла времени для тяжёлых мыслей. К слову, день прощания назначили на конец недели, что казалось Тори ироничным донельзя. Тело Тэо предали сожжению, как и любого умершего, имевшего дело с эгерумом. А раз тела нет, то и церемонии можно назначить тогда, когда всем будет удобно. Почему бы духу умершего не подождать денёк-другой, пока все друзья и родные не выберут удобное время между работой, походом в баню и традиционным вечером в кабаке?

Всё происходящее уже напоминало ночной кошмар, но у богов, видимо, чересчур жестокое чувство юмора, раз они решили не останавливаться на этом. Особенно Звёзднорождённым в этом помогла мама Тори, ведь именно она предложила Абео остаться у них до самой церемонии. Сердобольная женщина прониклась печалью несчастного борейца, потерявшего друга и наставника и, по её мнению, страдающего не меньше, чем от утраты родного отца. К тому же Абео ужасно ей понравился: он был учтив, превосходно воспитан, деятелен и во всём со всеми соглашался. Это особенно бесило Тори. Помимо людей и животных учёным следовало бы выделить отдельный вид живых существ — бесхребетные. Если бы Тори читал больше книг, он бы знал, что подобная классификация уже существует. Но в его мире пауки и скорпионы, относящиеся к ней, были воплощением

ужаса и опасности. Абео же был воплощением скуки. Хотя и ужаса тоже, особенно в тот момент, когда оказалось, что их поселили в одну комнату. Северянин настаивал, что может спать на полу, лишь бы не причинять никому неудобств, но эйри Рэсис выгнала сына с его собственной кровати поганой метлой в надежде научить паршивца гостеприимству. Впрочем, Тори уже ничему не удивлялся: для него не было бы сюрпризом, если бы он однажды вернулся домой и узнал, что его заменили Абео Альбусом. Он ведь куда лучше справлялся с обязанностями примерного сыночка. Вставал в семь утра, носился как в зад ужаленный, помогая матери мыть посуду после ужина и мести двор, выслушивал её монологи о жизненных тяготах и кивал, как деревянный болванчик. Раньше утренние подъёмы были для Тори мучением. Он вставал ни свет ни заря со стоном, преисполненным страданий, чтобы отправиться на смену в котельную. Но теперь подрывался с удивительным энтузиазмом и, натянув штаны и быстро опустошив тарелку каши с комочками, пулей вылетал из дома. Даже тяжёлый труд, на который у Виатора была врождённая аллергия, становился не так страшен, как лишний час в компании мамы и отцовского подхалима.

Тори работал в банях эйра Тита, и они были, пожалуй, любимым местом всех флюменцев. Старое каменное здание раскинулось на добрую половину Квартала Сиятельной и ежедневно поглощало десятки жителей города через свои широко открытые, подобно пасти древнего кита, двери. Местные не были столь помешаны на чистоте, как могло бы показаться. Просто бани — это идеальный способ расслабиться после трудного дня, а также одно из немногих развлечений, доступное жителям провинциального города. Здешние посетители не только обмахивались косматыми лавровыми вениками и наслаждались нежными водяными потоками в бассейнах, усеянных чешуйками разноцветной мозаики. Они беседовали, обсуждали последние новости и сплетни, вели споры или хорошо проводили время в объятиях прекрасных юных массажистов и массажисток. Эйра Тит не брезговал лично навещать своих гостей: его часто можно было застать степенно прогуливающимся среди

резных колонн и блаженно вдыхающим клубы густого пара с ароматом цветочных масел. Несмотря на годы, хозяин не прочь был пощеголять: он всегда облачался в расшитые всевозможными узорами халаты ярких цветов и небольшую, но искусно украшенную драгоценными камнями феску, непонятно как держащуюся на лысине, обрамлённой завитками серебристых кудрей. Даже здесь, в городке на отшибе, эйра Титу удавалось сохранять столичные манеры, словно он принимал у себя в банях по меньшей мере императорский совет. Потому он выглядел особенно забавно в интерьерах самих бань. Хотя они и были выполнены с претензией на ноттскую роскошь, дешёвая плитка со временем оказалась усеяна сколами и трещинами, плесень под потолком каждый раз одерживала победу над уборщиками, а мозаики и фрески на стенах явно были выполнены человеком, для которого слово «искусство» — ругательное.

Внизу же, под всем этим великолепием, находилось ещё более прозаичное место — котельная. Попав туда, рядовой аструмец мог бы подумать, что умер и ему открылись врата в саму Долину Тени. Пузатые трубы, подёрнутые ржавчиной, тянулись от пола до потолка, усеянные сотнями заплаток и вентилях всех форм и размеров. Духота стояла такая, что порой становилось невозможно вдохнуть, а перед глазами начинали плясать цветные пятна. В центральном котле, вокруг которого змеились трубы, бился золотистый свет — аура, — неиссякаемый источник тепла и света попадал сюда из преобразователей на крыше. Энергия небесных светил грела куда лучше огня, и её тёплые отсветы пробивались даже сквозь толстые железные стенки. Работа в котельной — трудная и опасная, а потому попадали туда лишь самые отчаянные ребята. Работяги, готовые на всё, лишь бы прокормить семью. Бывшие преступники, искупающие свою вину тяжёлым трудом. Или, например, мальчишка, не хватающий звёзд с неба, вопреки отцовскому желанию сделать из него великого человека. Тори всегда любил работать руками, и у него это отлично получалось. Разумеется, если позволить допустить кощунственное сочетание слов «любовь» и «работа». Едва ли Тори смог бы решить хоть одну простую за-

дачу на вступительном экзамене в Университете Ищущей, зато ему с лёгкостью удалось бы сколотить из пары досок крепкий стул и выстругать на спинке узор невиданной красоты с помощью одного лишь туповатого карманного ножа. Тэо Рэсис часто, как никто, повторял фразу «Каждому своё» и в то же время не переставал мечтать об образованном ребёнке, который будет портить зрение в библиотеке, а не срывать спину на «грязной» работе. Но вышло как вышло.

Закончив смену, Тори возвращался домой и падал без сил на свою импровизированную лежанку из пары шерстяных одеял. Абео к этому моменту уже спал, аккуратно сложив идеально чистую одежду на стуле. Северянин не храпел и не ворочался, а на одеяле не было ни единой складочки, как будто он вообще не двигался. Иногда Тори даже начинал беспокоиться, жив ли его новоявленный сосед, но проверять не спешил. Не хотелось разочаровываться, если тот и вправду окажется просто спящим.

И только в те короткие моменты, когда дом смиренно затихал в ночной темноте, а скопившаяся за день усталость ещё не успевала полностью завладеть Тори, на несколько коротких мгновений он осознавал, что уже через пару дней ему придётся навсегда попрощаться с отцом. Иногда, когда кто-то резко исчезает из твоей жизни, ты вдруг понимаешь, что на самом деле потерял его гораздо раньше. Когда забываешь запах табака из его трубки. Когда он ошибается в письме и поздравляет тебя с восемнадцатилетием, а тебе уже девятнадцать. Когда мама наконец перестаёт по привычке ставить на стол три тарелки вместо двух. В последние два года папы почти не было в их жизни, и всё, что от него осталось, — это смазанные воспоминания о тех днях, когда они всей семьёй собирались у камина и читали вслух. Или и вовсе призрачные образы детских лет, когда небо казалось огромным, а отец приволок из столицы настоящий телескоп, в который можно было запросто разглядеть Путь Скитальцев. Теперь Тори нужно было смириться с мыслью, что того человека больше нет. Даже где-то там, за сотни миль отсюда, в городе с высокими потолками и золотыми звёздами в кронах деревьев. В эти минуты к горлу подсту-

пал противный ком, и Тори упрямо переворачивался на другой бок и встряхивал головой, отгоняя секундную слабость. К этому времени дрема уже нагоняла его, пробираясь под одеяло и хватая за холодные пятки, и он проваливался в забытье, не видя снов.

Люция Рамио несколько раз заходила поговорить с эйри Рэсис и по-дружески выразить свои глубочайшие соболезнования. Мать Тори удивлялась, насколько соседка тонко чувствует её боль и вовлекается в трагедию их семьи. Она и не подозревала, что в подавленности Люции виновата совсем не смерть Тэо Рэсиса, а состояние её собственного сына, так и не проснувшегося с того рокового дня.

— Дайте мне немного времени, — нахмурился Тори, позволяя Люции подлить кипятка в свою кружку. Им впервые удалось встретиться и снова поговорить о состоянии Декси за день до церемонии. Улучшений не было, а единственный человек, которого они могли попросить о помощи, обратился в прах. Люция с таким рвением плеснула себе в чашку ликёра с белым мёдом, что места для чая почти не осталось. Поймав на себе взгляд Тори, она проделала то же самое и с его напитком, после чего подпалила сигарету, сделав воздух в комнате ещё более вязким. Тори отчаянно старался придумать другой выход из ситуации, но из-за предпохоронной суёты голова совсем не варилась.

— А что этот парень? Который у вас живёт. Разве он не работал с твоим отцом? — спросила Люция.

— Вроде того. Доставлял ему лекарства, — помрачнел Тори.

— Может, он сможет нам помочь?

— Я его не знаю. Не думаю, что ему можно доверять.

— Но что нам остаётся? — Голос Люции стал хриплым, а лицо осунулось. По ней легко можно было понять, что она часто и подолгу плачет. — Сколько он так протянет?

— Не знаю, — пожал плечами Тори.

— Так узнай! — вдруг сорвалась она, вскочив с места. — Пока его не нашли и не забрали!

— Эй, полегче! — Тори наморщил веснушчатый нос, и Люция притихла, устыдившись своего порыва.

— Прости, Виатор. — Она упала обратно на стул и принялась тереть пальцами виски. — Я просто... не знаю, что делать. Я боюсь за него. И мне не к кому больше пойти.

Тори не ответил и опустил взгляд в чашку. На поверхности образовалась белёсая плёнка, под которой виднелось отражение его лица. Глупая и растерянная мина смотрела на Тори со дна чайного моря. Может, где-то там есть чайный Храмовый Остров, куда забирают эгеров, разлученных с семьёй...

— Всё же попробуй поговорить с ним, хорошо? — Люция подняла на Тори усталые глаза, и тот едва заметно кивнул. Выходя, он небрежно снял с крючка затёртую бордовую кепку и натянул её по самые глаза, будто желая спрятаться от всего мира.

— Здравствуй! — Борец слабо улыбнулся, оторвавшись от книги. Он сидел за столом и читал в свете аурного фонаря.

— Ага, — буркнул Тори и тут же нырнул в уже ставшую родной грудой одеял. Он торопливо отвернулся к стенке, чтобы Абео даже и не думал с ним заговорить. Северянин немного смутился, но, уже привыкнув к неприветливости своего соседа, пожал плечами и вернулся к чтению. Тори смотрел в стену, где маленький жучок-короед прокладывал себе путь сквозь трещину в дереве. Виатор с трудом сдерживался, чтобы не скрипеть зубами от негодования. Меньше, чем болтать с этим напыщенным умником, ему хотелось просить его о чём-то. Но потом он вспоминал измождённое лицо Люции и Декси, с каждым днём всё больше начинающего походить на мраморную статую...

— Эй! — Тори так резко сел на постели, что Абео подскочил на месте и едва не выронил книгу. — Ты ведь... работал с этими... неспящими, да?

— Не совсем. — Северянин несколько растерялся, но с энтузиазмом поддержал разговор: — Я держу аптекарскую лавку. Но я много общался с твоим отцом и помогал ему с небольшими поручениями. Поэтому кое-что успел об этом узнать.

— Вот как... — ответил Тори без тени заинтересованности. Абео смотрел на него, пытаясь изобразить дружелюбие, но Виатор чувствовал, что борец его побаивается. Он был в его глазах шпаной, дворовым мальчишкой, который может в любой момент оттянуть за уши и отобрать кошелек с деньгами. Наверняка этот прохвост даже сейчас думал о том, насколько он умнее и благороднее. Успел кое-что узнать, вы посмотрите на него!

— А что, ты тоже интересуешься ремеслом врача?

— Боги упасите, — фыркнул Тори. — Что случается с теми, кто заболевает?

— Ох... Симптоматика может отличаться, но в общей картине люди засыпают и не могут проснуться. Это может длиться многие годы, до самой смерти. Так что лучше предотвратить критическую стадию и начать лечение при первых симптомах.

Тори начало мутить от обилия сложных слов, но он сделал глубокий вдох и взял себя в руки.

— А что, если всё же уснёт? Не проснётся никогда?

— Есть способы поставить такого человека на ноги. Но они очень опасны, и это может сделать только врач. Не все больные выживают при этой процедуре. К сожалению...

— Ты можешь рассказать, как это сделать?

— Что? Нет, я... Виатор, прости, но я не могу не спросить — почему ты об этом спрашиваешь?

— Твоё какое дело?! Не хочешь помогать, не надо!

— Подожди, я не хотел тебя обидеть! Просто нужно понимать...

— Пьёстё нузынё панимать... — передразнил его Тори. — Отдыхай, умник. Завтра тяжёлый день.

В тот вечер они больше не говорили, но у Тори в груди ещё долго kloкотала обида. Если бы он только мог выведать, как разбудить эгера без помощи этого крысёныша... Впрочем, решение быстро пришло ему в голову. Тори дождался, пока северянин уснёт, и, когда его дыхание стало ровным, выбрался из постели и прокрался к стулу, где тот оставил свои вещи. Кожаная сумка висела на спинке. Её ремешки расположились так симметрично, что Тори не удержался и потянул за один из них, прежде чем заглянуть

внутри. Там предсказуемо царил порядок. Аккуратно свёрнутое чистое бельё, которое Тори с отвращением обошёл вниманием, несколько записных книжек, дорогие перьевые ручки с золотыми наконечниками и ни единого пятнышка чернил вокруг них. В боковом кармашке, по соседству с увеличительным стеклом и зеркальцем, Тори вдруг заметил интересную вещь: золотую печатку с имперским гербом. Вытащив вычурную цапку, он повертел её в руках. Его не удивило, что Абео имеет пристрастие к подобным украшениям. Его мужественности они точно не угрожали, ведь нельзя разрушить то, чего нет. Тори бросил кольцо обратно в сумку и вернулся к поискам. Первая записная книжка оказалась бесполезной: она полнилась рецептами каких-то снадобий, списками ингредиентов и цифрами. Даже если бы Тори знал хоть слово из упомянутых на страницах, он всё равно не мог бы угадать, что из этого может пробудить Декси. А вот вторая книга была куда интереснее: под обложкой из красноватой кожи с тиснением в виде корабельного руля скрывался личный дневник. Когда Тори провёл пальцем по корешку, ему в руки вдруг выпала светография с женским силуэтом. Виатора разобрало любопытство: неужели у Абео бывали женщины? Эта мысль казалась нелепой: он готов был поклясться, что бореец в первый и последний раз прикасался к женской груди в младенчестве. Да и кто полюбит такого, как он? Даже если такая барышня и существует, Тори стоило бы побережь глаза от подобного зрелища — пассией Абео могла быть только толстая рябая бабица с кривыми зубами. И кривыми ногами. И носом. И вообще вся кривая! Тори затаил дыхание в предвкушении и поднёс светографию ближе к окну. Но его предположение оказалось ошибочным. С портрета на него смотрела девчушка лет четырёх. Румяные щёки на бледном лице, светлые косички, торчащие из-под пушистого мехового капюшона, и огромные чёрные глаза. Разочаровавшись и лишившись надежды поглазеть на циркового уродца и позубоскалить, Тори засунул светографию обратно под сгиб обложки и принялся читать. Поначалу Тори казалось, что он наконец нашёл что-то занятное, но уже через секунду вспомнил, с кем имеет дело. Записи в дневнике велись регулярно, и каждая из них была выведена идеальным почерком. А вот со-

держание оставляло желать лучшего: либо в жизни их автора не происходило ничего интересного, либо он совершенно не умел это интересное подмечать.

«Проснулся. Работал с девяти до восьми. В обед общался с профессором из Университета Ищущей, диалог вышел весьма занимательным. Говорили о политике и послевоенных годах. Эйра Ситиус считает, что империя до сих пор находится в упадке, но пропаганда творит чудеса. Много думал. Плохо сплю в последнее время».

В тексте часто упоминалось имя Ривер, и Тори сделал вывод, что оно принадлежит либо девочке со светографии, либо таинственная цирковая уродина всё-таки существует. Во второе хотелось верить намного сильнее, и Тори нетерпеливо перелистнул страницы в надежде обнаружить её портрет. Между ними обнаружился только небольшой листок бумаги, и Тори едва успел подхватить его, пока тот не скрылся под столом, выскользнув из дневника. Он хотел было поместить его обратно, но заметил, что почерк отличается и кажется подозрительно знакомым. Приглядевшись, Тори обомлел – письмо принадлежало его отцу. Он стиснул зубы и замешкался: первым порывом было выбросить его за окно вместе с дневником, сумкой и их обладателем. Но Тори всё же взял себя в руки и начал читать.

«Дорогой друг!

Если ты читаешь это, я, вероятно, мёртв. Если это так, то прошу – не дай себя обмануть. Мой возраст, хоть и давал о себе знать, был не столь жесток, чтобы забрать меня в объятия Звёзднорождённых так быстро. Думаю, ты догадываешься, что могло стать настоящей причиной. Мне не раз намекали, что я должен остановиться, и я предвидел такой исход. Но кем бы я был, если бы это помешало мне докопаться до истины? Надеюсь, я успел тебе многое рассказать и ты не дашь моим трудам пропасть зря.

Молю, найди её и закончи то, что начал я. Сделать это будет непросто, но я уверен в твоём уме и находчивости. Подробные инструкции ты найдёшь в тайнике между лиловой мазью и соцветиями бессмертника. Думаю, тебе будет интересно наконец побывать

там после стольких лет. Скажи, что тебя послал я, и выслушай её. Если я не ошибся, то у нас есть шанс наконец-то изменить мир.

Не дай этим бумагам попасть в дурные руки. Да и в какие бы то ни было, помимо твоих. Уезжай из города сразу, как получишь это письмо, не трать времени на лишние сборы и никому не говори, куда едешь.

И прошу, не проходи этот путь в одиночку. Рядом всегда должен быть тот, кто подставит плечо. Его адрес ты знаешь. Он не подведёт, я ручаюсь.

Прости, что вынужден говорить загадками. Но, как видишь, неосторожность уже погубила меня. Не дай ей погубить и тебя.

Береги себя. Я в тебя верю.

С любовью, Тэо».

С помощью канцелярской скрепки к письму крепилось ещё несколько бумаг. На одной из них обнаружилась карта, а другой оказался обрывок ещё одного письма. Оно было сожжено почти целиком, сохранилась лишь часть с загадочной последовательностью действий: подняться на вышку, зажечь корень краснотравника, ждать до рассвета. Перечитав всё это заново, Тори окончательно потерял связь с реальностью. Что всё это могло значить? Кому предназначалось письмо? И кого оно наказывало отыскать? Проведя нехитрое мысленное расследование, Тори выстроил теорию, что Абео убил его отца, а письмо, предназначавшееся кому-то из близких друзей, прикарманил. Ну а карта, очевидно, ведёт к кладу, который папа хотел сохранить в тайне. Тори метнул осуждающий взгляд на северянина: тот продолжал мирно спать, ни о чём не подозревая. Справедливая месть могла бы настичь его прямо сейчас, достаточно было только взять подушку и... Нет, так поступают только коварные приспешники болезненных королей из старых сказок. А настоящие мужики бьют морду. Этим Тори и займётся, как только выбьет из засранца чистосердечное признание. Но пропускать церемонию и расстраивать маму Тори очень уж не хотелось, поэтому он решил повременить с этим до вечера следующего дня.

Он засыпал с тяжёлым сердцем. И, как назло, именно в эту ночь его мучили кошмары о том, как у них во дворе останавливается белый экипаж и воины в золотых масках навсегда увозят маленького Декси прямо на глазах его рыдающей матери. Тори точно знал, что под одной из масок скрывается лицо его мёртвого отца, а под второй — самодовольно ухмыляющегося Абео, умытого кровью невинных.

Глава 4

ПОСЛЕДНЯЯ ДОРОГА

*Последняя песнь Юны звучит для каждого,
чьё время пришло. В ней нет скорби
и осуждения, лишь успокаивающая
мелодия, уводящая нас
прочь по звёздной дороге.
Туда, где начинается вечная тень.*

(Сказания о Звёзднорождённых)

Вдоме пахло яблоками и воском. Тихие голоса смешивались в монотонное марево, наполняющее каждую из комнат. Все поверхности были заставлены свечами и фонариками, чьё пламя трепетало, заставляя причудливые тени плясать по стенам. В центре комнаты на небольшом столике стояла светография мужчины средних лет. Он широко улыбался, и уголки его губ доставали едва ли не до поседевших бакенбард, обрамляющих лицо. Возле портрета покоились подношения: маленькие шерстяные игрушки, фрукты, еловые ветви, серебряные монеты и кольца. Когда человек отправлялся в Долину Тени, каждый из его близких хотел оставить небольшой подарок богине Юне, чтобы она с теплом приняла усопшего в свои объятия и позаботилась о нём в минуты его последнего пути. Для Звёзднорождённой всегда зажигали свечи и старались сохранять тишину.

И всё-таки, несмотря на ритуальные элементы, всё происходящее напоминало скорее встречу друзей, нежели церемонию прощания. Особенно учитывая то, что Тэо так и не вернулся во Флюмен. Тела никого из тех, кто работал с не-

спящими, не транспортировали — таковы правила. Слишком велик был риск, что эгерум выйдет из-под контроля. Хотя, если говорить честно, это уже давно произошло. Аструм каждый день наводняли новые люди с чёрными глазами, и никто так и не узнал, как это остановить. Тэо Рэсис мог бы стать тем, кто это изменит, но и он, увы, сошёл с дистанции, так и не докопавшись до истины. А теперь все его родственники и друзья собрались в его доме, чтобы почтить память, и всё, что у них есть, — портрет в парадной раме.

Люция Рамио тоже была здесь. Она большую часть времени проводила возле матери Тори и время от времени нервно заламывала худые руки, тревожно оглядываясь по сторонам. Ей казалось, что о её мрачной тайне уже знают все присутствующие и никто в здравом уме не поверит, что Декси срочно понадобилось отправиться к бабушке в Алиот, потому что она надеется увидеть внука, пока того совсем не затянула учёба. Иногда Тори встречался с эйри Рамио взглядом, и между ними будто бы происходил безмолвный диалог. Хотя вела его скорее Люция, надеясь выведать, узнал ли что-нибудь Тори. В голове же у него самого звучала одна лишь тревожная музыка и оглушительный звон тарелок. Иногда всё это сопровождалось фразой: «К такому меня жизнь не готовила, надо выпить». Чем Тори и занимался большую часть времени и к моменту произнесения прощальных речей уже изрядно захмелел.

Университетские друзья отца говорили долго, снова и снова передавая друг другу слово. Все присутствующие отзывались о Тэо с теплом и были рады предаться совместным воспоминаниям о нём. Абео на их фоне был немногословен: его речь вышла сухой и короткой. И всё же этот хорёк отлично вписался в компанию учёных лбов: все они были одеты одинаково нелепо, задирали нос и выпячивали грудь. Про себя Тори называл таких людей патриотами: их манера держаться заставляла думать, что у них в заднице скрывается как минимум флагшток с пурпурным полотном. Настоящей гордости имперца недостаточно, чтобы держать такую осанку, а вот палка в жопе очень даже способствует.

Тори наблюдал за северянином исподлобья. Он старался не сводить с него глаз в надежде раскрыть его мрачную тайну. Но Абео, как назло, устроился на диване среди стареющих врачей и с вежливой улыбкой поддерживал светскую беседу, не спеша рвать на себе рубашку и каяться в содеянном. Пунш понемногу делал своё дело, и вот горячее сердце Тори наконец взяло верх над разумом. Как можно просто сидеть и смотреть на человека, который может оказаться убийцей твоего отца? А тот без зазрения совести прохлаждается в твоей гостиной и ест пироги, приготовленные твоей мамой?!

— Э! — гаркнул Тори, уронив тяжёлую ладонь на спинку дивана.

Мужчины вздрогнули и резко обернулись. Над ними возвышалась фигура Тори, до побелевших костяшек сжимающего обивку на спинке.

— Уважаемые, — добавил он, опомнившись, — можно я поговорю с... этим?

Присутствующие немного сконфузились от его формулировок, но с лёгким сердцем проводили нового товарища, посчитав их с Виатором старыми друзьями. Разве может сын не полюбить верного протезе своего отца?

— Всё хорошо? — с искренним участием поинтересовался Абео.

— А у тебя *всё* хорошо? — многозначительно парировал Тори.

— Насколько это возможно, — тоскливо вздохнул борец. — Эйра Тэо был мне очень дорог. Хотя кому я рассказываю... Моей утрате не сравниться с твоей.

— Ещё бы, — хмыкнул Тори, восторжествовав. Абео ни в чём не превзойти Виатора Рэсиса. Никогда!

— Так о чём ты хотел поговорить?

— Я знаю, что ты сделал. — Тори приблизился к Абео настолько, что от волнения на лбу северянина выступили капли пота.

— О чём ты говоришь? — непонимающе промямлил он.

— Не притворяйся. Это ведь ты, да?!

— Виатор, я не понимаю...

Договорить Абео не успел. Грубые пальцы Тори уже вцепились в его рубашку с расшитым воротом. За этим последовал резкий толчок в грудь, отчего северянин впечатался спиной в комод позади себя. Один из подсвечников с грохотом рухнул на пол, заставив всех присутствующих обернуться на звук.

— Тори, в чём дело?! — взволнованно воскликнула мать, бросившись разнимать сына и побледневшего гостя, испуганно уставившегося на него.

— Это он, — прорычал Тори, испепеляя северянина взглядом. — Папа умер из-за него!

Вырвавшись из захвата, Абео спрятался за спиной эйри Рэсис, пока разъярённый двухметровый сынишка покойно не успел отправить и его на тот свет.

— Ты что такое говоришь?! — прошептала мама, поправляя вздыбившийся воротник рубашки Тори.

— Не вмешивайся, — ответил он, дыхнув на неё парами пунша. — Я преподам ему урок.

— Дорогой, я понимаю, ты расстроен, — вздохнула она. Её усталые потухшие глаза были полны мольбы. — Но нам предстоит тяжёлый день. Нужно почтить папу как подобает. Давай не будем рубить сплеча? Если вы с Абео что-то не поделили, поговорите об этом после церемонии. Хорошо?

— Но...

— К тому же он завтра уезжает. Давай не будем портить впечатление о нашем доме.

Тори хотел возразить, но мама быстро скрылась в толпе, и он с недовольным видом рухнул обратно в кресло.

Следующие бокалы пунша он не считал и пил до тех пор, пока фигуры гостей перед глазами не превратились в разноцветных призраков. Всю оставшуюся церемонию Тори пропустил мимо ушей. Он тоскливо сверлил взглядом отцовский портрет, улыбавшийся ему из рамки. Даже после смерти папочка умудрился спутать карты, не дав сыну жить спокойно.

Когда большинство гостей разъехалось, самые близкие остались на ночную молитву, которая продолжалась до рассвета. Тори же ввалился в спальню и растянулся на крова-

ти. Спина приятно заныла от мягкости матраса: неделя сна на полу давала о себе знать. Веки казались свинцовыми, но Тори выжидал. Наконец дверь приоткрылась, и в комнате показался Абео. Он неловко застыл в дверях, не зная, как себя вести. Заметив его, Виатор оживился и сел на постели, сверля бедного молодого человека суровым взглядом.

— Теперь нам никто не помешает.

— Виатор, я всё ещё не понимаю, о чём ты говоришь...

— Тори.

— Что?

— Называй меня Тори. Я же просил. — Высокорослый и пьяный в стельку, он выглядел угрожающе.

— Да, конечно, извини...

— Ты убил его?

— Кого? — И без того острое лицо Абео вытянулось.

— Отца.

— Я... Боги... — Он сполз по стене, округлив голубые глаза. — Тори, да как ты вообще мог такое подумать? Эйра Тэо был мне как о...

Он запнулся.

— Как отец? — усмехнулся Тори — Как мило.

— Это действительно так. Мы столько лет работали вместе, он знал обо мне всё. Как бы я посмел?

— Тогда о ком он говорил в письме?

— Ах, письмо... — Абео покосился на свою сумку. Тори даже на секунду представил, что сейчас доходяга рискнёт отчитать его за то, что тот рылся в его вещах. Но Абео продолжил как ни в чём не бывало: — На самом деле я рад, что ты его нашёл.

— Рад? — Тори опешил.

— Честно говоря, я прибыл сюда именно из-за него. Но не знал, как тебе рассказать.

Тори окончательно растерялся.

В результате долгого разговора и череды не самых приятных открытий выяснилось, что письмо действительно было адресовано Абео. И да, как в нём и упоминалось, Тэо не успел поделиться со своим любимцем всеми деталями си-

туации, в которой оказался. Абео было известно лишь то, что это связано с исследованиями эгерума. Тэо оказался как никогда близко к разгадке и всё это время вёл переписку с какой-то женщиной.

— Вот же старый пёс, — на лице Тори мелькнула сальная ухмылка.

— Насколько я понял, она была из вольных, — продолжил Абео.

Тори не смог скрыть удивления. Когда вышел Указ об эгерах, мир начал жить по совсем иным, новым законам. И их нарушение каралось очень жестоко. Все больные эгерумом, вне зависимости от пола, возраста и социального статуса, обязаны были проживать на Храмовом Острове и не имели права покидать его под страхом смерти. Это считалось важным как для безопасности других жителей Аструма, которых они могли бы заразить, так и для их собственной. Простые люди не слишком-то задумывались о природе эпидемий и о том, что болезнь поражает таких же, как они. Увидев в доме по соседству человека с чёрными глазами, какой-нибудь крестьянин из западных провинций в лучшем случае сразу же донёс бы на него. А в худшем — тихо поджёт бы его дом следующей ночью, чтобы зараза наверняка не разошлась дальше. Хотя её распространение до сих пор оставалось загадкой. Тот же Тэо много лет работал с неспящими, как их принято стало называть в народе, да и Абео наверняка их встречал... Но его глаза выглядели совершенно обыкновенными. За исключением невыносимо скучного и тупого, по мнению Тори, взгляда.

— Существуют вольные поселения, скрывающиеся от закона. Эйра Тэо многие годы поддерживал связь с одним из них. Эгерка, с которой он общался, кажется, знает что-то, что ускользнуло от глаз врачей. И она приглашала твоего отца приехать к ним, чтобы увидеть это своими глазами. Но письмо, по всей видимости, перехватили. Кто-то очень сильно этого не хотел.

— Но почему? Что в этом плохого?

— Я не знаю, — покачал головой Абео, — но намерен узнать. Смерть эйра Тэо не должна быть напрасной. Особенно если это может спасти тысячи людей.

— Ну что ж, тогда флаг тебе в руки и барабан на шею. Читал, что у вас с отцом есть какой-то знакомый перец, который отлично справится со всем этим.

— Ты так и не понял, да?

— Не понял чего?

Тори снова захлестнула волна злости. Каждый раз, когда этот хлыщ намекает на то, что он недостаточно умён, Тори хотелось хорошенько пройтись кулаком по его зубам. Тори покосился на расписную тарелку, стоящую на полке серванта у противоположной стены. Интересно, если написать на ней «Самому большому нытику Аструма», это сойдёт за официальную награду?

— Эйра Тэо хотел, чтобы ты поехал со мной.

— Я? — Лицо Тори исказила насмешливая гримаса.

Тэо был убеждён в том, что его сын — идиот. Тори не ловил на себе его жалостливый и разочарованный взгляд. Он бы никогда не доверил ему что-то по-настоящему важное. И не упустил бы шанса лишний раз намекнуть, что всё могло бы быть иначе, проявляй Тори больше любви к знаниям и дисциплине.

— Твой отец сказал, что ты единственный человек во всём Аструме, кому он без сомнений доверил бы свою жизнь.

В горле резко начало саднить. Тори захлестнула такая волна чувств, что он не знал, как с ней справиться. Злость, обида и что-то ещё, доселе неизвестное, но заставляющее сердце биться чаще. Тори не привык выражать яркие эмоции, по его мнению, это было совсем не по-мужски. Обычно они варились в его голове, как в котле, пока тот не раскалялся и не сплавлял их все в мутный, обжигающий гнев.

— Да пошёл ты! — выкрикнул Тори. — Это всё брехня!

Абео молчал. Он смотрел на Виатора отвратительно сочувствующим взглядом. Северянин выглядел таким же эмоциональным, как дубовое бревно, и всё же тоже мог испы-

тывать чувства. Тори видел, как он ему соперничает, и это лишь сильнее его бесило.

— Ты всё это выдумал! Всё до последнего слова! Проваливай на хер, пока я тебе рожу не начистил!

— Мне и правда пора, — тихо ответил Абео. — Утром у меня поезд в Наос. Если ты настаиваешь, я могу переночевать в гостинице, но...

— Давай, скатертью дорожка, да ведут тебя небесные огни и всё такое. — Тори проследовал к двери и распахнул её, выжидающе глядя на Абео. Тот накиннул сумку на плечо и покорно последовал к выходу.

— Я буду ждать на станции завтра в семь, если передумаешь.

— Да-да, конечно, счастливого пути! — бросил Тори ему вслед и раздражённо захлопнул дверь с такой силой, что она едва не слетела с петель. — Вот же говнюк...

Глава 5 ПОЛЯРНАЯ НОЧЬ

*Вьюжники всегда распускаются
день в день к празднику Бессмертного Солнца.
Северная земля только-только
пробуждается ото сна, и снег
будет лежать ещё долгие недели.
Но природу не обманешь: эти маленькие
жёлтые цветы — словно звёзды,
что светили богам с неба
на заре времён. Они вторят замыслу
Звёзднорождённых, пробиваясь сквозь
толщу сугробов и извещая
людей о наступлении весны.*

16 лет назад

Монтис. Борейские провинции. Аструм

Ледяной ветер разбушевался, с грохотом срывая ставни и завывая, словно горная химера. Юлий выскочил на улицу в одном свитере с накиннутым поверх жилетом и взялся чинить замок, пытаясь совладать с ним вмиг онемевши-

ми пальцами. С горем пополам ему удалось приладить станию на место, и он пулей влетел обратно в дом, оставляя на пороге снежные следы. Они мгновенно растаяли, заставив влажные пятна проступить на деревянной поверхности. Раскрасневшийся аптекарь вернулся за прилавок.

— Холодно сегодня, — он улыбнулся сыну, сидевшему на стуле и завязывавшему мешочки с травами, задумавшись о своём.

— Всегда холодно, — пожал плечами мальчик.

— Давай-ка подсоби мне ещё немного...

Тот радостно вскочил с места и бросился к столу с реagenтами, спрятанным от любопытных глаз за ширмой, обтянутой синим шёлком. На ткани пестрели замысловатые геометрические узоры, напоминающие снежинки. Или звёзды, тут уж каждому своё. Сын Юлия обожал, когда отец просил его о помощи — ему ужасно нравилось смешивать цветные микстуры и порошки. Юлий ни на секунду не сомневался, что малыш продолжит его дело, когда подрастёт.

— Отрежь треть морозного корня, — скомандовал отец, и мальчик потянулся к ножу, привстав на специально приготовленную табуретку. — Теперь под пресс...

Во время работы он становился особенно сосредоточенным. Взгляд голубых глаз смотрел совсем повзрослому, а точности движений порой можно было позавидовать. Отец с сыном погрузились в работу и едва не пропустили звон колокольчика над дверью.

— Доброго вечера, Сая, — широко улыбнулся Юлий. Его пышные усы растянулись над полными губами.

— Доброго, эйра Альбус, — пожилая женщина слегка склонила голову. — Холодно сегодня!

— Не говорите. — Юлий смахнул пыль с прилавка, порадовавшись, что хоть кто-то готов поддержать его ворчание по поводу ненастья. — Разбушевалась погодка! Как ваша нога?

— Так и ломит, — вздохнула Сая. — Чуть только морозы ударят, так сразу спать не могу.

— Вам бы на запад, к океану. Там и воздух хороший, и погода что надо. Вмиг бы ваша нога в порядок пришла!

— Да куда уж мне, миленький, — тоскливо улыбнулась Сая. — Я северянка. Родилась здесь, здесь и помру. Ты же знаешь: мы как выюжники — хоть куда высади, а приживаются и расцветают они только под снегом.

— И не поспоришь ведь. Север — он в крови. Так, значит, вам как обычно?

— Пожалуйста, дорогуша.

— Абео, принеси-ка лиловую мазь для эйри Саи! — крикнул Юлий, обращаясь к сыну.

Мальчишка целеустремлённо бросился к дальнему стеллажу, едва не снеся по дороге стеклянные пузырьки на нижних полках, и вытащил оттуда круглую жестяную баночку.

— Да хранят тебя Звёзднорождённые, — поблагодарила женщина, получив в руки заветную мазь.

— Да ведут вас небесные огни, — застенчиво пробормотал мальчик и стремительно скрылся за ширмой.

— Он у нас скромник, — рассмеялся Юлий. — Из книжек носа не показывает.

— Прекрасный мальчик. Уверена, он вырастет хорошим человеком.

Сая полезла в сумочку и выложила на прилавок десять серебряных монет. Солнце в обрамлении двух лун переливалось на отполированном аверсе, в самом центре имперского герба проступали очертания восьмиконечной звезды. Считалось, что именно она символизирует ту заветную искру, сверкнувшую в ладонях Звёзднорождённых и ставшую началом человека как сущности земной.

— Бросьте, Сая, — нахмурился аптекарь и вернул женщине три монеты из десяти.

— Ну что ж вы, право! Я женщина небедная...

— А я вам говорю — бросьте. Я вас предупреждал, что без скидки не обслуживаю. Считайте, что за красивые глаза, — Юлий подмигнул и расхохотался.

Сая смутилась и поспешно затолкала деньги обратно в сумочку, шутливо браня тучного ловеласа. Наконец распрощавшись с посетительницей, Юлий взглянул на часы и шумно выдохнул. Он запер входную дверь, погасил огонь в пе-

регонном кубе и двинулся к лестнице, ведущей в дом. Сын последовал за ним, обогнав отца и прыжками взлетев вверх по ступенькам.

— Прохлаждаемся? — пробасил аптекарь, игриво выглянув из-за спинки кресла. Валена вздрогнула, не заметив приближения мужа.

— Сколько раз говорила — не подкрадываться?! — буркнула она. — Могу ведь и подстрелить!

Она угрожающе потрясла пистолем, всё это время лежавшим у неё на коленях. На столике рядом расположились шомпола, щёточки, бархатная тряпка и масла в маленьких пузатых сосудах. Даже в полуразобранном состоянии «Лис» выглядел величественно: длинный бронзовый ствол с гравировкой, с ювелирной точностью вырезанные части спускового механизма и рукоятка, действительно напоминающая своей формой лисий хвост, чему и было обязано своим появлением название. Валена всегда кропотливо подходила к вопросу ухода за оружием и могла часами заботиться о его исправности. Это доставляло ей особое медитативное удовольствие.

— Прибереги пули для охайцев. — Юлий чмокнул жену в щёку, отчего она едва заметно улыбнулась.

Валене всегда была присуща истинная северная холодность. Сдержанные жесты и мимика, тонкие черты лица и военная осанка, держащая её спину прямой, как натянутая струна. Ледяные голубые глаза, которые унаследовал и сын. Со стороны казалось, что эта женщина неприступна, как Бореи́ские Горы, но это только на первый взгляд. Под слоем брони и армейской выправкой скрывалось поистине тёплое и доброе сердце.

— Ну что, семейство? Боги ждать не будут! Живо собираться! — скомандовал Юлий, и жена с сыном отправились одеваться.

Закатная служба была самой любимой для маленького Абео. Тёмно-синее небо, усеянное звёздами, виднелось сквозь витражные церковные окна, создавая по-настоящему

му чарующую атмосферу. Мальчик удивлялся, почему службы называют закатной, ведь в полярную ночь бывали дни, когда солнце и вовсе не показывалось на небе. Прихожане собирались в главном зале храма Звёзднорождённых, рассаживаясь на скамейки, выставленные кругом вдоль главного монумента. Обычно в куполе храма делалось отверстие, чтобы солнечный и лунный свет беспрепятственно попадал на образы богов. Но на севере для этого правила разрешалось делать исключение, и крыша здесь тоже была витражной. Иначе службы пришлось бы проводить, высунув нос из огромного сугроба.

Старший салий уже стоял возле кафедры, улыбаясь новопривышшим и охотно вовлекаясь в короткие беседы с каждым из них. Он был облачён в белые одежды, а его голову украшала традиционная остроконечная шляпа. Вышивка на его костюме и головном уборе мерцала оттенками золота, и Абео всегда рассматривал её как замороженный, каждый раз замечая всё новые переплетения и мотивы. С благоговением на салиев смотрели не только дети, но и все аструмцы: заместники Звёзднорождённых с малых лет посвящали жизнь тому, чтобы постичь природу людских создателей. Они всегда отличались мудростью и открытым сердцем, и в их компании можно было обрести душевное спокойствие и найти понимание.

Когда присутствующие наконец заняли свои места, салий начал говорить. Он, как всегда, с теплотой поприветствовал прихожан и восхитился красотой окружающей природы. В этом его поддержали не все: Абео буквально слышал, как у женщины, сидящей на соседней скамье, стучат зубы. Мальчика это ужасно позабавило, и ему пришлось закашляться, чтобы не рассмеяться вслух. На лицах людей тоже виднелись улыбки: они относились к суровости северной погоды с пониманием и даже любовью. Как любят непоседливое дитя или ворчливого старого дядюшку с зарослями волос в носу и скрипучим голосом. Но радость быстро исчезла, когда речь зашла об эгеруме.

— Нельзя умолчать о недуге, что терзает ваши души страхом. Ведь, убоявшись зла, мы позволим ему одержать над

нами верх. Проклятая кровь охайцев отравила наши земли, и они изменились, как изменились и мы. Но прошу вас — не нужно бояться! Эгеры — это наши братья и сёстры, нуждающиеся в любви и заботе. Пусть их и немного, но мы должны принять их, как принимаем своих ближних. Наша любовь исцелит их души, а наша наука — их тела. Нужно лишь немного подождать.

Закончив говорить об эгерах, салий перешёл к теме прошедшей войны, оставившей свежие раны на теле империи. На шестой год люди устали и начали терять надежду, и чудо неожиданно воцарившегося мира стало для них не чем иным, как посланием Звёзднорождённых. Императрица Аврора, что принесла мир Аструму, быстро заняла важное место в сердцах людей, в очередной раз доказав, что благословен тот, кого боги избрали на трон Пурпурной империи. И ничего, что войну развязала её же собственная мать, точно так же избранная богами... О таком в трогательных молитвах не упоминают. Говоря о том, как bravо аструмские воины сражались за честь империи, салий едва не заплакал. На глазах прихожан тоже выступили слёзы, и его слова не оставили равнодушным никого. Абео едва ли понимал, что такое война, — он родился в год её начала, но никогда не видел её своими глазами. Для него она была чем-то вроде несносной кузины, промотавшей фамильное состояние, из-за которой стенают всевозможные родственники, и потому она никогда не появляется на семейных сборищах, оставаясь чем-то вроде легенды. Так и война не добралась до севера, и жизнь маленького Абео по большей части была похожа на жизнь обычного мальчика в мирное время. Единственным, кого она у него забрала, была мама. Валена большую часть года проводила на фронте и возвращалась лишь на месяц осенью и весной, чтобы проконтролировать призыв новых рекрутов. Старший трибун никому не доверяла это ответственное дело, потому что была убеждена, что настоящий патриотизм начинается в сердце. Может, поэтому воины, вышедшие из её отрядов, были особенно горячи душой и всегда сражались вместе, действуя как единое целое. Но теперь,

когда выстрелы в далёких краях отгремели, Валена вернулась домой и сейчас сидела рядом с сыном — как и все, внимая речам салия. Это всё, что мальчишке нужно было для счастья.

После службы в груди всегда разливалось приятное тепло. Экипаж степенно плыл по дороге, вдоль которой тянулись толстые трубы. Золотая аура билась под обшивкой, не давая земле замёрзнуть и защищая спящих мимо горожан от обморожения. Абео прильнул лбом к стеклу, в углах которого расплзлись причудливые ледяные узоры, и задремал.

— Эйра Юлий, — служанка показала нос из кухни, когда семейство Альбусов показалось в дверях дома, — ужин готов. Прикажете подавать?

Слуги не любили лишний раз привлекать внимание отца семейства, но от него нигде не было спасения. Он всегда оказывался на кухне в любой момент, чтобы проконтролировать происходящее и раздать бесценные указания. Юлий любил жаловаться, что домашние заботы отнимают у него время, которое он мог бы посвятить делу, грозился уволить всю прислугу за лодырничество, но на самом деле ему просто доставляло удовольствие участвовать в процессе готовки.

«Кто так режет морковь, Цея?! — доносился его басистый голос с кухни. — Ты хочешь сварить суп или отраву для всей семьи? Дай покажу!»

— Подавайте, — бросил Юлий, и служанка, с облегчением выдохнув, скрылась на кухне. — Милая, всё в порядке? Кажется, ты нервничаешь.

Валена поёжилась от того, как муж ловко считывал её эмоции, как бы она ни старалась их скрыть. Догадаться о её беспокойстве было не так уж и сложно: она разобрала свой пистоль уже три раза за день, а теперь вот не могла справиться с промокшей от снега меховой шапкой, пытаясь повесить её на крючок дрожащими пальцами.

— Да... Просто никак не могу привыкнуть. Ох уж эта мирная жизнь.

— Ну ничего-ничего, привыкай! Хватит уже воевать, эти твои охайцы даже у меня в печёнках сидят!

На ужин подали густой рыбный суп, картофельное пюре с бобами и копчёными колбасками, жареные коренья и медовый пирог. Юлий опустил на своё законное место и с наслаждением вдохнул насыщенные ароматы. Валена уже несколько месяцев как вернулась домой, но он радовался каждому семейному застолью, будто в первый раз.

— ...А ещё сегодня заходил тот дядя! Ну, который в смешной шляпе! — Абео взахлёб рассказывал матери о прошедшем дне, едва успевая жевать.

— Эйра Вентус, — пояснил Юлий, с трудом успевая вставить слово.

— Да! Он купил сразу пять бутылок той микстуры! Самой дорогой! Представляешь?

Валена натянуто улыбнулась сыну и встретила взглядом с Юлием.

— Его жене совсем худо, — вздохнул аптекарь. — Совсем не спит, по ночам лихорадит, и глаза всё темнеют...

— А новых заболевших нет?

— Слышал, что в Подгорном Квартале объявились ещё двое. Мрак знает что с этой напастью делать... Хорошо, хоть ты наконец домой вернулась. Правильно старший салий говорит — охайцы эту заразу нам и принесли.

— Среди охайцев я черноглазых не замечала, — задумалась Валена. — Ни одного. А вот наших — постоянно. Моих только трое за последний месяц.

— Ох, страшно жить, — заворчал Юлий, макая колбаску в брусничный соус. — Уже и не знаешь, чего ждать от завтрашнего дня...

— Юлий, — вдруг начала Валена, — я хотела тебе кое о чём рассказать...

Аптекарь поднял глаза на жену и напрягся. Он никогда не видел её такой. Поджатые губы, бегающий взгляд... Перед ним как будто был другой человек. Его Валену ничто не было способно напугать и сбить с толку. Она всегда смотрела прямо в глаза любому испытанию, будь то сражение с врагом на поле боя, воспитание сына или обучение нера-

дивых рекрутов. А сейчас у неё словно выбили почву из-под ног. Хотя кому сейчас легко? Шесть лет проклятая война выжимала все соки из Аструма. И, хоть Валене и пришлось вернуться домой, сердцем она всегда оставалась там, на поле боя. Да и дома теперь не было отдохновения: проклятый эгерум мог добраться до кого угодно и напряжение постоянно витало в воздухе. Хотя сердца имперцев и наполнились надеждами на светлое мирное будущее, которое только-только расцветало впереди, им было просто страшно растить своих детей в мире, где можно однажды попросту не проснуться.

— Конечно, дорогая. Что такое?

— У нас... будет ребёнок, — сдавленно сказала Валена.

Глава 6

ФАВИЙСКИЙ ЭКСПРЕСС

*Взять билет на поезд –
отличное решение в любой ситуации.
Какой бы вопрос ты ни задавал себе,
в стуче колёс всегда можно услышать ответ.*

Наши дни

Флюмен. Эврийские провинции. Аструм

Абео шагал вперёд и с любопытством разглядывал улицы города: он не бывал во Флюмене раньше, и даже маленькие, ничем не примечательные домики отчего-то казались ему интересными. Столица империи быстро приелась молодому человеку: буйство красок и лиц в один момент сливается в единый серый поток, который ты попросту перестаёшь замечать. В провинциальном же городе каждый камешек на мостовой запоминается. Он не хранит отпечатков миллионов сапог, но абсолютно точно хранит свои собственные истории и секреты. И порой они куда душевнее и интереснее, чем мирахские сплетни и пустозвонство знатных толстосумов, слухами о котором полнятся столичные улицы.

Абео был одет в длинный жилет без рукавов, туго застёгнутый под горлом. Его светлые волосы аккуратно струились из-под шляпы. Бореец выделялся на фоне выдавших виды улиц и дурно пахнущих каналов: ни единой складочки на рубашке и ни единой морщинки на лице. Что бы ни случилось, он всегда старался выглядеть опрятно — эта привычка передалась ему от отца. Юлий всегда говорил: «Даже если ты выставишь себя полным идиотом, никто не посмеет усомниться в твоей правоте, если манжеты твоей рубашки белее первого снега». Лишь одно омрачало светлый образ Абео: чувство беспокойства, пожирающее его изнутри и неизбежно отражавшееся во взгляде. Он совершенно не представлял, как проделает этот путь в одиночку. И хотя в глубине души он надеялся, что Тори передумает, на самом деле в это не верил. Упрямый мальчишка чётко дал понять, что ему всё это до лампочки.

Пригородная станция раскинулась прямо возле леса, одиноко желтея фонарями среди предрассветных сумерек. Из всего множества горело всего два. Они освещали небольшой вокзальчик, единственную платформу, мощённую узорчатой плиткой, и деревянную кабинку, выкрашенную зелёной краской. Внутри виднелся слабый свет. Заглянув за стекло, Абео увидел женщину в годах, прикорнувшую на кушетке у письменного стола. Она куталась в шерстяной платок поверх бордового жилета, пытаясь спастись от уже совсем осенней прохлады. Судя по всему, она продавала билеты, а заодно выполняла роль стража и главной по хозяйству. Обычно это бывали разные люди, но на маленькой флюменской станции едва ли хоть что-то происходило, так что смысла тратиться на лишних работников не было. Услышав стук в стекло, смотрительница подскочила и ещё несколько секунд пыталась понять, где находится.

— Извините, — виновато улыбнулся Абео, стараясь говорить не слишком громко. — Когда следующий поезд?

— Боги милосердные, а час-то который? — Женщина нацепила на нос маленькие очки в медной оправе и взгляделась

в часы за спиной Абео. — В семь пятнадцать, если на восток. Идёт напрямиком в Наос. А южный теперь только в полдень.

— Восточный как раз подойдёт, — обрадовался Абео. — Один билет, пожалуйста.

— Два, — послышалось у него за спиной, и, обернувшись, борец увидел знакомое лицо. Сонный и до ужаса недовольный Тори стоял, опершись на колонну с часами. У Абео словно камень с души свалился, и он с трудом совладал с приливом радости — Виатор всё-таки здесь! Впрочем, за радостью сразу последовала тревога. Вчера Тори выглядел таким разъярённым, что, возможно, сейчас пришёл лишь для того, чтобы завершить начатое и всё же свернуть ему шею. Но Виатор продолжал стоять на месте и выжидающе смотреть на Абео. Лишних вопросов северянин задавать не стал, боясь спугнуть своё счастье.

— Фавийский экспресс обычно тут не останавливается, — уточнила смотрительница. — Только по требованию. Так что поторопитесь, а то провороните. Отсюда редко кто ездит в такую даль... Вы откуда такие взялись-то?

Окончательно проснувшись, женщина преисполнилась любопытства и привстала на цыпочки, пытаясь рассмотреть спутника Абео, мнущегося позади. Тори отвёл взгляд, чтобы билетёрша не увидела его лица. Вряд ли они с мамой пересекутся до его возвращения, но всё же ей не стоило знать, что он сел совсем не на столичный поезд. Матери Тори соврал, что едет в Мирах на пару дней — забрать отцовские книги. Её это ужасно воодушевило, и она за считанные секунды набила походную сумку сына таким количеством еды, словно собиралась накормить всех остальных пассажиров вагона, включая машиниста и проводника. Также в списке необходимого оказались парадные сапоги неуместно красного цвета, которые Тори никогда бы не надел по своей воле; шапка, боги знают кому нужная в тёплую мирахскую осень; любовно вышитый вручную плед... Виатор едва успел унести ноги, прежде чем мама заболтала его до смерти. По утрам он соображал туго и заочно ненавидел весь мир. Поэтому суета и кудахтанье под боком сводили его с ума, заставляя думать, что компания Абео, может, не так уж и страшна. Мать поцело-

вала сына на прощание и благословила его короткой молитвой. Рядом с Тори невысокая женщина выглядела так, будто целовала ясеневое дерево, а не человека. Хотя по уровню интеллекта дерево вполне могло бы потягаться с Виатором Рэсисом, и исход сражения нельзя было бы назвать предопределённым. Кто знает, чего можно ожидать от этих деревянных гигантов? Тори уж точно был более предсказуемым.

По дороге на вокзал Тори сотню раз проклял себя за то, что всё же передумал. Он был твёрдо уверен, что никогда больше не увидит Абео Альбуса, но так и не смог уснуть, истязаемый сомнениями. Казалось бы, как можно чувствовать себя виноватым перед тем, кто целую неделю ел твою еду и трепал твои бесценные нервы?

— Мы... нам нужно в Наос, чтобы... — Абео замялся. Он явно не ожидал, что его будут расспрашивать, а о настоящей цели их путешествия говорить точно не стоило.

— Мы едем к дяде, — подал голос Тори, видя, что во вранье его спутник не преуспел так же, как и в попытках не быть полным придурком. — В гости.

— Ага, — кивнул Абео, — точно, к дяде.

Кажется, Тори начинал понимать, почему отец настоял на том, чтобы он составил этому остолопу компанию. Может, Абео и был умником в своих книжных штучках, но находчивости ему явно стоило поучиться. Тори даже испытал особенное гаденькое удовольствие оттого, что без него хваленый Абео Альбус точно нажил бы себе неприятностей. Смотрительница смерила их недоверчивым взглядом.

— Два билета, пожалуйста, — подытожил Абео.

— Взрослые?

— Да, — ответил Абео. Если Виатора можно было назвать взрослым... Может, официально это и было так, но этот человек меньше месяца назад слёг на два дня и пропустил работу из-за того, что накануне переел пирогов. На спор.

— Везёте багаж крупных размеров? Животных? Запрещённые вещества? Эгеров? — С этими словами смотрительница прищурилась и ещё раз заглянула ему через плечо.

— Нет. — Абео всегда забавлял этот вопрос. Неужели кто-то хоть раз ощутил раскаяние прямо на железнодорожной станции и решил признаться в том, что в его сумке отнюдь не бабушкино варенье и энциклопедии о растениях?

— Деньги вперёд.

Бореец высыпал горсть серебряных эсов на стойку, и смотрительница их дотошно пересчитала. Она даже поднесла один из них ближе к лампе и, будь её воля, попробовала бы его на зуб, чтобы убедиться в подлинности монеты. Но, видимо, воспитание всё же не позволило этого сделать, и женщина спрятала деньги, после чего нехотя поднялась с места и вышла наружу. Поёжившись от холода, она двинулась к столбу у края платформы, перебирая короткими ножками и достав с пояса связку ключей. Их звон казался оглушительным в утренней тишине. Смотрительница поколдовала над щитком, и вскоре раздался щелчок. За стеклом ярчайшего из двух фонарей опустились полупрозрачные зелёные створки, и свет тоже стал зелёным, что сигнализировало машинистам проходящих поездов о том, что нужно остановиться. После этого смотрительница отмотала два билета с катушки, также висящей на поясе, и вручила их Абео.

— Спасибо, — искренне поблагодарил её северянин. — И простите, что потревожили...

— Пустяки, — неубедительно отмахнулась смотрительница и направилась обратно в будку, бормоча что-то себе под нос.

Спустя десять минут поезд и правда показался на станции. Величественный, увенчанный золотым крылом, отмеченный гербом Аструма в виде двух лун и солнечных лучей, с тонко выполненными узорами на рамах круглых окон.

— Ваши билеты? — высунулся из вагона сонный проводник с пышными усами. Его высоченная бордовая шляпа с кисточками едва не слетела с головы, зацепившись за верхнюю планку дверного проёма. Он явно не ожидал пополнения из забытого богами Флюмена, но был рад возможности покрасоваться. Всего два слова, а сколько в них звучало эмо-

ций! И строгость, и величие, и приветливое радушие. Говорить так — искусство, совершенствуемое годами.

Аструмцы любили поезда как никто другой. Империя славилась своими железными дорогами, объединившими все четыре провинции и дающими возможность попасть куда угодно, стоило лишь захотеть. Внутри купе, даже если поезд был ближнего следования, всё равно царила особая атмосфера изысканности. Интерьеры вагонов не уступали богатым столичным домам: лакированное дерево, отделка цветными металлами, бархатом и витражными стёклышками. Расписные панели, блестящие решётки, замысловатые узоры на дверях, оконных шторах и даже вдоль потолочных карнизов. Тори последний раз ездил на поезде в глубоком детстве, но ему хорошо запомнилось ощущение праздника, создающееся внутри этой гигантской машины. Правда, сейчас поводов для радости было куда меньше: пусть смотрительница и поверила в то, что они отправляются к дяде в гости, сам Тори совершенно не представлял, что на самом деле ждёт их в пути.

Первые минуты они ехали в неловком молчании. Абео не решался заговорить, боясь снова разозлить своего вспыльчивого спутника.

— Ну и куда мы держим путь? — нетерпеливо спросил Тори, откинувшись на спинку мягкого диванчика, обитого лоснящимся дамаском. Он старался выглядеть абсолютно равнодушным, но выходило у него не очень хорошо.

— Доедем до Наоса, а дальше — пешком на юго-восток. — Абео достал из сумки карту и развернул её на столе. Он прищурился так, словно ему нужно было усилие, чтобы разглядеть мелкие буквы, напомнив Тори его бабушку, сгорбившуюся над книгой. — Придётся пройти через горный хребет и Искристое Ущелье. Эйра Тэо пометил примерное место встречи со связным вольных. Нужно будет подать сигнал, а дальше...

— Ты там бывал? — прервал его Тори.

— Нет. Я собирал для них лекарства, но их забирал человек эйра Тэо ещё в Мирахе...

— Ты помогал диким эгерам? — прищурился Тори.

— Вольным. Немного помогал.

— Может, ты и с бандитами дело имел? — Это должно было прозвучать осуждающе, но Тори плохо удалось скрыть нотки восхищения в голосе.

— Конечно, нет. Они никакие не преступники, а такие же люди, как и мы. К тому же эйра Тэо был близок с некоторыми из них, если судить по его рассказам.

— Ну дела! А ты? Видел их когда-нибудь? Страшные, наверное!

— Тори, я же говорю — они ничем не отличаются от нас, только цветом глаз... Ну и, может, некоторой болезненностью из-за лекарств. Морок, как они его называют, здорово бьёт по здоровью.

— А та девчонка на фотографии — она тоже из этих вольных?

— Нет, — вдруг нахмурился северянин, — она не из вольных.

— А кто тогда?

— Давай лучше о деле, хорошо? — Абео всеми силами надеялся избежать этого разговора, а Тори было не слишком интересно слушать истории о его скучной жизни, поэтому он решил не настаивать.

— Ну и сколько нам туда тащиться?

— По моим подсчётам, день или два.

— А снаряжение у тебя с собой есть?

— Снаряжение? — Абео растерянно уставился на Тори.

— Уважаемый, ты хоть раз бывал в походе?

— Нет...

— И ты собрался просто так пёхать в горы без подготовки?

— Я как-то об этом не подумал. А что для этого нужно?

От такого поворота Тори даже растерялся. Ему казалось, что Абео шутит. Нельзя же быть настолько неприспособленным к реальной жизни истуканом! Но чем больше Тори всматривался во взгляд наивных голубых глаз, преисполненных смятения, тем больше понимал, насколько всё на самом деле плохо.

— Ну ты даёшь, — усмехнулся он. — Палатка, пара спальных, котелок, аптечка, фонари, вода, еда. Ну это так, из

основного. Ещё не помешали бы хорошие ботинки, — Тори покосился на нарядные сапоги Абео. Выглядели они дорого, но их удобство вызывало сомнения. — Если идти в плохой обуви, потом три недели будешь пятки по кускам собирать. Ты что, с луны свалился? Как тебя угораздило никогда не ходить в походы?

— На севере с этим трудноато, — замялся Абео. — Нельзя уходить далеко от города, иначе можно замёрзнуть. А после того, как мы переехали, было... не до этого.

— Да уж, и я ещё считал, что из моего бати плохой отец... Как можно воспитать сына мужиком, если он таких простых вещей не знает?

— Мой отец воспитывал меня хорошим человеком, а не «мужиком», — нахмурился Абео.

— Кажется, я начинаю понимать, почему ты такой... — приснул Тори.

Абео ничего не ответил, лишь нервно запустил руки в сумку и извлёк оттуда книгу «Борейские легенды: химера Медвежьего Озера» и уткнулся в неё, поджав под себя ноги. Тори мысленно махнул рукой на своего странного попутчика. Даже если и обиделся — подумаешь, какой нежный... Может, оно и к лучшему: так можно хотя бы быть уверенным, что он ещё долго будет молчать.

В дороге время тянется медленно и возвращает человека к двум его главным природным инстинктам: томно размышлять о смысле бытия под стук колёс и есть за троих.

Виатор не стал церемониться и достал из сумки половину курицы, завернутую в бумагу с маслянистыми пятнами. Запах тут же расползся по купе, заставляя желудок заурчать довольным котёнком. Абео даже бровью не повёл и продолжил пялиться в книгу, поэтому Тори не стал предлагать ему разделить трапезу и с блаженным видом вгрызся в аппетитную куриную ножку, давая жиру растечься по губам. Однако он не испытал того удовольствия, которого ожидал. Что-то мешало ему насладиться вкусом, хотя он точно знал, что мама в очередной раз превзошла саму себя. И вдруг Тори с ужасом осознал: это был укол совести. Чудовищное чув-

ство, с которым путь Тори чаще всего не пересекался. Но сейчас оно накрывало его с головой. Может, не нужно было так резко себя с ним вести? В конце концов, с момента их первой встречи Абео не сказал Тори ни одного дурного слова. Но он такой напыщенный, такой правильный, такой... Проклятье!

— Слушай, ты не обижайся, если что, — выдавил Тори, пялясь в окно на проплывающие мимо облака. — Я не хотел говорить плохого о твоём отце. Чем он, кстати, занимается?

Абео медленно опустил книгу.

— Он умер, когда мне было четырнадцать.

— Оу, — сконфузился Тори.

— Да ничего. — На лице Абео впервые за всё время их знакомства появилось что-то напоминающее улыбку. — Это всё в прошлом. Но вот, как видишь, я не знаю, что нужно в походе, зато знаю, сколько нужно варить морковь до идеальной консистенции.

— А ещё ты умник, — Тори кивнул на книгу в его руках.

— Вообще-то это не очень... кхм, умная книга, — возразил Абео. — Скорее красивая сказка. О Медвежьем Озере. Простое интересно читать о месте, где ты сам бывал.

— Это где-то на севере?

— Ага. Рядом с Монтисом. Мы с... — Он осёкся. — Я любил гулять возле него, когда был ребёнком.

Абео загнулся. На него нахлынули воспоминания. Солнечные и одновременно покалывающе ледяные, как полярный день. Отчего-то ему захотелось сделать вид, что на картинах прошлого он совершенно одинок. Но это было не так, и сердце защемило. Бореец сглотнул и, пытаясь сохранить лицо, протянул книгу товарищу:

— Хочешь почитать?

— Не-е-е, — отмахнулся Тори. — Книжки — это не моё. Может, лучше в Ловца Удачи рубанём?

— О боги, только не это.

— А кости-то тебе чем не угодили?

Абео ненавидел Ловца Удачи. Ему было непонятно, как люди могут проводить часы за игрой, построенной на чистой случайности. В ней не нужно было ничего уметь, толь-

ко знай себе бросай кости и проигрывай баснословные деньги очередному пьянчуге из кабака. Никаких интеллектуальных усилий, самосовершенствования, здоровой конкуренции...

— Разве это не круто? — продолжил Тори. — Никогда не знаешь, что тебя ждёт!

— Какой смысл в чём-то соперничать, если развязка от тебя не зависит?

— Почему это не зависит? Может, ты просто не считаешь себя удачливым? — прищурился Виатор.

— Не особенно. Я не верю в удачу. Всё случается просто потому, что так заведено богами. — Абео начинал походить на проповедника. — Хрон давно сплёл паутину бытия, а мы можем лишь следовать его дорогой...

— Нет, ну какой же ты всё-таки зануда. А я вот в свою верю. И знаю, как её призвать.

— Да ну? — явно из вежливости спросил борец. — И что же это за методы такие?

— А вот сыграй — и узнаешь!

— Нет, Виатор, извини. Я лучше почитаю. Но спасибо за предложение.

С этими словами Абео перелистнул страницу и снова погрузился в текст. Тори тоскливо вздохнул. Видят боги — он попытался! Ну кто вообще может подружиться с таким невыносимым человеком? Паутина бытия, вы только послушайте! Впрочем, ему не нужен был собеседник, чтобы отлично провести время. В поезде и так масса интересных занятий: лежать, есть, дремать, слоняться по коридорам туда-сюда, снова лежать...

К вечеру солнце степенно скрылось за горизонтом, превратив деревья и аурографные столбы за окном в чёрные силуэты, проступающие из темноты лишь в отсветах золотистых маячков проходящего поезда. Иногда вдалеке показывались огни деревень и небольших городов, вскоре снова исчезая в тених и уступая место уже проявившимся на тёмном небе звёздам. Спать под стук колёс, наверное, величайшее блаженство в мире. Слившись с потоком пространства

и времени, ты словно застываешь в моменте, где нет прошлого и будущего. Лишь размеренное покачивание, будто волны Моря Истоков несут тебя куда-то вдаль, к спокойствию и просветлению... И, конечно, к разбойникам с чёрными глазами, поджидающим тебя в глубине леса, чтобы украсить частокол у своей хижины твоей головой. Не лучшая картина для представления перед сном, но именно она застыла в голове у Тори с тех самых пор, как он решился на эту авантюру.

Наутро Тори обнаружил своего спутника ровно в той же позе, что и прошлым вечером. Если бы он не видел, как Абео ложился спать, аккуратно сложив жилет и идеально ровно прислонив сапоги друг к другу под спальной полкой, то подумал бы, что тот просидел так всю ночь. На столике возле северянина стоял на треть полный стакан молока и лежал надкусанный кусок хлеба. Рассчитывать на приятную беседу не пришлось: за весь день они перекинулись парой слов, которые так и не превратились в нормальный разговор, и Тори уже готов был прочитать молитву Звёзднорождённым, лишь бы они поскорее приехали в Наос. Но прибытие было запланировано ночью, а значит, ему предстояло маяться от безделья ещё целый день.

Пару раз Тори выходил в тамбур, где ошивались двое почтенных эйра с другого конца вагона. Они курили через длинные мундштуки и высоко задирали подбородки при разговоре. Сначала Тори обрадовался возможности завести новые знакомства и не торчать в обществе унылого борейца. Но мужчины оказались не лучше его соседа: хоть они и любезно поделились с парнишкой сигаретой и охотно позволили ему вовлечься в их беседу, по итогу она вышла ужасно скучной. Почтенные эйра обсуждали сегодняшнюю газету, на первой полосе которой пестрел заголовок об истечении сроков мирного договора с охайцами. Близилась новые переговоры с Золотой Четвёркой, и императрице предстояло решить судьбу Аструма на ближайшее будущее. Если аструмцы и любили говорить о чём-то больше, чем о Великой Войне, то... Вообще-то нет, именно Великая Война была самым лакомым кусочком в рационе любого уважающего се-

бя словоблуда. Одни смаковали привкус имперского величия, год за годом вспоминая славную победу над охайцами. Другие обращались к прошлому, чтобы подчеркнуть, какой безыдейной стала молодёжь и что наследие великих предков утрачено навеки. Третьи без конца строили предположения, повторятся ли военные ужасы снова. Теории заговора относительно коварных охайцев, только и ждущих, чтобы ударить Аструм в спину, множились в таких количествах, что в некоторых из них уже не было ни охайцев, ни даже аструмцев, а одни лишь пространные причитания о надвигающейся буре. Никакая из этих тем не заботила Тори. Война вызывала в нём интерес, только когда дело доходило до баек старых солдат об их похождениях. Или когда появлялась надежда, что ему дадут потрогать настоящий пистоль. Но подобных перспектив в компании почтенных эйра не намечалось, поэтому разочарованный Тори поспешил вернуться в купе. Он мнил себя героем сражения, потерпевшим позорное поражение. Никаких тебе победных стягов и грудастых девиц. Только трясущийся поезд, тесное купе, окутанное чарующим ароматом ног, и скучная борейская рожка на соседней полке.

— А-а-а-б-е-е-о-о-о... — протяжно простонал Тори, — ну давай сыграем...

Он не оставлял попыток уговорить товарища на партию в Ловца Удачи. Эх, был бы на его месте Декси, он бы уже последние штаны проиграл. А потом отыграл их обратно и дважды проиграл снова.

— Я же говорил — это глупая игра, — вздохнул Абео, вынужденный снова отвлечься от чтения. Не то чтобы общество Тори ему сильно досаждало, просто книга действительно была интересной. Уж точно интереснее, чем то, что мог предложить его спутник. Да и время за чтением летело быстрее. Абео не терпелось скорее отыскать вольных и прояснить ситуацию. Как только он задумывался об этом, сердце начинало биться с удвоенной силой. Что, если всё это — большая ошибка и он так никогда и не узнает, от чего умер Тэо Рэсис? Или — если Тори окажется прав и вольные действительно окажутся жестокими дикарями...

— Признай, ты просто боишься проиграть. — Хитрая улыбка озарила лицо Тори.

— С чего ты это взял? Я совсем не боюсь. Просто не хочу.

— Тогда давно уже сыграл бы! И доказал мне, что игра глупая.

— Тьма... — Абео понимал, что пожалеет об этом. Но иногда проще сдаться, чем продолжать сопротивление. — Ну хорошо, давай сыграем.

Тори настолько обрадовался, что мгновенно оживился. Он подскочил на месте и отточенным движением достал из поясной сумки бархатистый мешочек.

— Они у тебя что, всегда с собой?

— Шутишь? Конечно! Редкий набор!

Ослабив тесёмку, Тори с торжественным видом высыпал на стол комплект из двух шестигранных костей. Ничем в мире Виатор Рэсис не гордился так, как костями из нокса — редкого минерала, который добывали только в Хадаре, маленькой шахтёрской деревушке на самом краю борейских провинций. Мало кто был способен стерпеть морозы, которые держались там круглый год. Даже Абео, слыша истории о храбрых рабочих, которые отправлялись туда на заработки, диву давался — неужели где-то может быть ещё холоднее, чем в Монтисе? Как вообще можно такое пережить?

— Откуда они у тебя? — спросил Абео, потянувшись к одной из костей, за что тут же получил шлепок по руке.

— Можно трогать только левой, — цыкнул на него Тори.

Северянин удивился, но спорить не стал и взял кубик в руки, поднеся его к глазам. Поверхность минерала светилась восхитительными переливами от чёрного к синему. Кое-где мерцали голубовато-зелёные прожилки, а под определённым углом можно было разглядеть золотистый отсвет. Точно само северное сияние заключили в камне... На каждой из граней была нанесена ювелирно точная гравировка. Две, три, четыре, пять и шесть точек образовывали геометрические фигуры, соединённые тонкими золотыми линиями, а с грани, на которой должна была быть единица, смотрела голова одноглазой кошки.

— Красивые, да? — ухмыльнулся Тори, видя восторг в глазах Абео. — Стоили как половина коровы! В кабаке ими, конечно, не поиграешь — свистнут в два счёта... Но ты вроде как честный малый. А если вдруг что, то тебе-то уж я задницу надрать сумею.

— Я никогда не брал чужого, — обиделся Абео. — Но да, они и правда очень красивые. Прекрасная работа.

— То-то же! Ну что, тогда к делу?

Тори с умным видом достал из кармана маленькую книжечку размером с ладонь, очевидно, сделанную своими руками. Кожаная обложка скрепляла небрежно сшитые страницы, торчащие во все стороны. Добрая половина из них была покрыта неровными столбцами цифр, нацарапанных карандашом, жирными пятнами и даже каплями вина. Во всяком случае, Абео хотелось думать, что это вино, а не трофейное свидетельство набитой за проигрыш морде.

— Напомнишь правила? — нерешительно спросил он. — Последний раз я в это играл, когда был подростком.

— Ничего сложного. — Тори наслаждался каждой секундой происходящего, словно объяснял не правила игры в кости, а по меньшей мере причины экономического подъёма империи в последние два века. — Нужно набрать сто очков. Бросаешь кость сколько хочешь раз и записываешь, сколько у тебя получилось. Но если тебя поймал Ловец Удачи, — Тори указал на изображение одноглазой кошки, — теряешь все очки за кон и отдаёшь ход дальше.

— Как же это глупо, — покачал головой Абео.

— Только если боги тебя не любят, — оскалился Тори.

— Между прочим, я слышал, что Звёзднорождённые не очень-то жалуют эту игру. Якобы её придумал их четвёртый потерянный брат, бог неудачников.

— Даже если и так, я бы и его обыграл, если понадобится!

Абео не стал акцентировать внимание на том, что обыграть бога неудачников (если он, конечно, существовал бы) — не самое впечатляющее достижение. Лучше позво-

лить Тори насладиться своим звёздным часом, пока он снова не начал пить и обзываться.

Несмотря на скептицизм, северянин быстро втянулся в игру. Ему пришлось признать, что процесс оказался невероятно азартным. Только-только тебе кажется, что ты на коне, и вот — злосчастная единица, и эта проклятая кошка, смотрящая тебе прямо в душу.

— Пять очков, передаю ход.

— Пфф, всего пять? — Тори посмотрел на оппонента с жалостью.

— Я не хочу потерять и их, если опять выпадет один.

— Дилетант! Ну ладно, пять так пять.

Они потеряли счёт времени и провели за игрой почти весь день, прервавшись только раз для того, чтобы пообедать. Тори был куда более самоуверен, чем Абео, и всё чаще рисковал. Он бросал кость исключительно левой рукой, потирал нос, когда выпадали нечётные числа, прижимал кубик ко лбу, если набиралось больше пятнадцати очков... Но всё же Абео в какой-то момент стал ощутимо вести по счёту, и это очень злило Тори.

— Да откуда у тебя столько набралось?!

— Если быть терпеливым и записывать понемногу, это куда безопаснее, чем ставить на всё.

У Тори внутри всё кипело оттого, что Абео даже азартную игру умудрился сделать занудной. Тем не менее ему наконец начало везти, и за этот кон он заработал уже восемнадцать очков. Если сейчас не выпадет единица, он наконец обгонит этого неудачника...

Внезапно поезд вздрогнул. Мощный состав завизжал, и Тори почувствовал, как его буквально впечатывает в стену. Свет погас, и перед глазами от неожиданности заплясали цветные пятна. Вагон стремительно сбавлял скорость, ходя ходуном, а под ним что-то скрежетало и грохотало. Стены задрожали, а стёкла на окнах покрылись паутиной трещин. Затем поезд завалился на левый бок, подняв столп искр, пропахал ещё несколько метров и наконец грузно остановился. Наступила тишина.

Глава 7

РИВЕР

*Только дитя хранит в своём разуме
истинную мудрость.*

*Оно трезвее и справедливее лобого
учёного мужа, ибо не очернены мысли его
скоротечным и жестоким бытием,
и каждый шаг его, каждое слово и порыв
продиктованы одним лишь сердцем,
что жаждет познания и любви.*

(Сказания о Звёзднорождённых.
Книга Хрона)

16 лет назад

Монтис. Борейские провинции. Аструм

- **К**акие новости? — Юлий заглянул через плечо жены и выхватил взглядом несколько строчек из отчёта с пурпурной печатью.

— Никаких, — мрачно ответила Валена. — Ты же знаешь — в Монтисе ничего не происходит.

— Ну и слава богам! И ещё сто лет бы ничего не происходило, — улыбнулся аптекарь, бережно приобняв Валену за плечи. — Пусть лучше эти мальчишки и девчонки метут улицы и спасают котят с деревьев, чем гибнут мрак пойми за что.

— Они патриоты, Юлий. Они гибли за свою страну.

Юлий посмотрел на жену с сочувствием. Всё в ней выдавало жалость к себе и злость от осознания собственной ненужности. Когда Валена вернулась в Монтис, у неё поначалу только прибавилось дел: разбираться с послевоенными беспорядками в боевом составе, в инвентаре, в бумагах, в головах — та ещё задачка. А вишенкой на вершине пирога стали трибуналы, в коих, конечно, было мало веселья, но дело есть дело. Для всех Альбусов ситуация оказалась выигрышной: Валена оставалась при делах, а её родные были рады, что она наконец-то дома. Даже служанки оживились, наконец перестав переживать за то, что однажды хозяйка может

просто не вернуться, оставив их на произвол судьбы и единоличное командование болтливой Юлии. Но шли месяцы, и душа Валены была не на месте: ей стало невыносимо скучно. В грязи и пыли, под градом стрел и пуль, на волоске от смерти она чувствовала себя собой. Родовой особняк был мил её сердцу, но ещё милее был походный котелок и палатка на девять человек, где стоит такой густой запах пота и железа, что никакие сражения уже не страшны. А теперь Валене приходилось привыкать к новой роли. За шесть военных лет она начала забывать, каково это — быть женой и матерью. Сын стал уже совсем взрослым: у него появились собственные мысли, чувства, желания и стремления. И хотя в нём всё ещё было бесконечно много детского задора и непосредственности, он больше не был тем беспомощным малышом, который не мог заснуть без песенки на ночь, и часами наслаждался родительским обществом, не отходя от Валены и Юлии ни на шаг.

Глядя на жену, Юлий невольно задавался вопросом: рада ли она тому, что им предстоит? Или этот ребёнок станет камнем на её шее? Ведь как бы он ни хотел убеждать себя, что Валене хорошо дома, она отчаянно искала чего-то большего, чем бумажная работа и ежедневная раздача нагоняев ленивым городским стражам, с которыми ей теперь приходилось работать. Мир наступил для всех, кроме неё — той, кто не знал себя иную. Бесспорно, она была счастлива в окружении родных, но неужели ей до конца жизни придётся мириться с простым обывательским существованием? Дом, работа, семья? И золотой орден, пылящийся на полке среди безвкусовых фарфоровых статуэток и фамильного сервиза.

— Я похожа на гусыню, — тоскливо вздохнула Валена, неуклюже усаживаясь в кресло. Её тело заметно изменилось, хотя даже в новом образе она всё ещё сохраняла былую грацию и силу в каждом движении.

— Ты похожа на Звёзднорождённую, которая носит под сердцем Хрона.

— Богохульник.

— Тогда на императрицу, ждущую наследницу!

— Лыстец, — хмыкнула Валена, но всё же улыбнулась: — А может, там всё же наследник?

— Наследник у нас уже есть. Но на престол мальчишек не пускают, — улыбнулся Юлий, потрепав сына по волосам. — Абео, ты-то рад, что у тебя будет сестричка?

— Да, — скромно ответил тот, ковыряясь ложкой в тарелке. — А она не заболит? Как жена эйра Вентуса.

Юлий опустил на своё место за столом и почесал бороду, пытаясь придумать, что ответить.

— Конечно, нет, — он постарался успокоить сына, но его собственное сердце заволновалось от одной мысли об этом.

Валена внимательно посмотрела на мужа, и их взгляды многозначительно пересеклись. Флавия Вентус умерла месяц назад. По всему городу ходили ужасные слухи о постигшей её доле. Флавия была одной из первых, кто начал получать регулярное лечение под наблюдением врачей. Лекарства уберегли женщину от кошмара, которого боялись все эгеры: она не заснула вечным сном. Но микстуры, которые она принимала, меняли её день ото дня. Из-за них ночами она не могла сомкнуть глаз, а потому ходила по дому взад-вперёд, мелькая в окне исхудавшим ссутуленным призраком. Те, кто жил по соседству, слышали, как в свои последние недели она кричала, крушила мебель, впадала в приступы ярости и истерик. Когда её не стало, муж был убит горем, но в то же время он как будто выдохнул. Слишком мучительно было видеть, как родной человек молит о смерти.

На вопросы о природе эгерума врачи лишь разводили руками. Никто до сих пор не мог понять, откуда пришла эта болезнь, и никто не знал, как её исцелить. Кто-то грешил на охайцев, другие верили в гнев божий, третьи и вовсе сходили с ума и считали болезнь благословением и испытанием души и тела. И, конечно, никто не мог быть уверен, что в его семье не родится эгер. Чем ближе было время родов, тем сильнее нарастало напряжение в доме Альбусов. Счастье от предстоящей встречи с малышом было холодным, шероховатым и искусственно звенящим. В каждом его отголоске слышался страх.

Тот вечер был тихим, пока воздух не прорезал надрывный крик. В это время зимой северное небо окрашивалось в невообразимые цвета. Зелёные отблески полярного сияния танцевали среди звёзд, завораживая и маня за собой. За окном степенно падали хлопья снега. Безветренная погода — большая удача в Месяц Лун.

В печи танцевало золотое пламя. Его бархатные отсветы плясали по полу, стенам, ложились на мебель и ковры. Узоры на дорогих обоях, обрамлённые жёсткими тенями, казались ещё более запутанными. Среди всего интерьера особенно выделялся небольшой алтарь возле входа в спальню. Глиняная фигурка младшего Звёзднорождённого была опутана золотыми нитями. Из подобных Хрон плетёт паутину бытия, где каждому событию отведено своё место. Возле ног статуэтки в медной миске были рассыпаны цветные камушки, перья и зёрна пшеницы. Звёзднорождённый молчаливо наблюдал за домом пустыми глазницами. Он ждал рождения новой жизни.

Юлий сидел на кушетке, уперев локти в колени и опустив голову. Абео уже задремал рядом, беспокойно посапывая. Он изредка просыпался, окидывал комнату сонным взглядом и, убедившись, что мир не изменился, снова проваливался в сон. Стоны, доносящиеся из спальни, за эти несколько часов въелись в сознание настолько, что стали сродни шуму ветра за окном. Звёзды уже описали дугу по небосводу, когда из-за дверей наконец раздался новый звук. Младенческий крик пронзил особняк Альбусов, облетев оба этажа, задержавшись на входе в аптекарскую лавку с северной стороны и вернувшись в дремлющую гостиную, заставил Юлия вздрогнуть. Этот звук не сравним ни с чем: он полон жизни, борьбы и смирения, полон жажды и умиротворения. Звук, с которым мир действительно меняется.

Юлий вскочил на ноги и бросился в спальню. Абео приоткрыл глаза и увидел, как врач встретил отца на пороге.

Он остановил его, чтобы что-то сказать, после чего мужчины скрылись внутри. Мальчик решил, что, возможно, ему и вовсе почудилось и встречи с сестрой придётся подождать ещё. Однако сон больше не шёл, и, сладко потянувшись, он спрыгнул с кушетки и тихо подобрался к двери. Она была приоткрыта — изнутри лился приглушённый свет аурных ламп. Голоса, доносящиеся оттуда, были знакомыми. Врачи и салия, присутствовавшие при родах, тихо переговаривались, в то время как отец что-то сбивчиво бормотал, повторяя одни и те же слова снова и снова. Абео тихонько юркнул внутрь и теперь мог наконец в полной мере разглядеть то, что происходило в комнате. Мама лежала на кровати, укрытая белым покрывалом. На тонкой, почти прозрачной ткани проступило багровое пятно. Оно стремительно расползлось по простыням. Абео никогда не видел столько крови. Было в этом что-то ужасающее и завораживающее одновременно.

— Валена, — Юлий держал жену за руку, стоя на коленях возле кровати, — Валена... Валена...

Он прижимал её пальцы к губам, не переставая повторять её имя снова и снова. Это было сродни тому, когда заспавшего человека всеми силами пытаются разбудить, но он не отзывается. Только интонация у отца была немного иная: монотонная, потерянная, словно слова уходили в ледяную пустоту небытия, не успев закончиться. Юлий заплакал. Его грузное полное тело сотрясало от рыданий. Он опустился на пол и прислонился плечом к стене, медленно сползая вниз. Будто получив сигнал к действию, на время затихший младенец разразился оглушительным криком. Плач был таким пронзительным, что Абео почувствовал, как звенит в ушах. Он всё ещё не мог оторвать взгляда от красного узора, окрасившего постель. Мама казалась особенно бледной на его фоне. Как мраморная статуя, виртуозно выполненная столичным скульптором. Наконец от вида крови в глазах у мальчика поплыло, и земля начала уходить из-под ног. Последнее, что он успел запомнить, — кто-то подхватил его, не давая удариться головой при падении. Младенец не переставал плакать.

Это была девочка с чёрными глазами.

Глава 8

ФАВИЯ

*Городские стражи не несут ответственности
за пропажу личных вещей и ценностей,
оставленных без присмотра.*

*Тут вам не столица,
глаза нужно иметь даже на заднице.
И не говорите, что вас не предупреждали.*

(Надпись, нацарапанная на воротах
наосской Обители Стражей)

Наши дни

Где-то посреди фавийских лесов

Что это было? — ошарашенно спросил Тори, с трудом припрядя в себя. В голове гудело. Кажется, он здорово приложился о стену, пока они с Абео тряслись в потемневшем купе, как кости в стакане.

— Мы остановились, — нахмурился Абео, поправляя шляпу.

Наблюдательности ему было не занимать... Убедившись, что не пострадали, они выглянули в коридор, чтобы оценить ситуацию. Других пассажиров в вагоне почти не было: помимо них через пару купе ехала одинокая женщина в годах, а в самом конце — те самые почтенные эйра с серьезными лицами и в расшитых жемчугом и канителью двууголках. Они тоже выглянули наружу, не понимая, что происходит. Их глаза были полны ужаса.

Вечер уже опустился на землю, окутав всё вокруг сиреневыми сумерками. К этому времени снаружи ощутимо похолодало, и за окном клубился густой белёсый туман, оседающий на стёклах влажной испариной. Абео сделал робкий шаг в коридор и прильнул к окну, пытаясь осмотреться.

— Сошли с рельсов, — констатировал он. Это можно было понять по тому, как сильно накренился состав. Ближайшее к ним колесо неприятно скрежетало, зависнув над землёй. — Но в Фавии мы уже довольно давно.

Пейзаж за окном действительно заметно изменился. Леса стали хвойными, а вдалеке ловила последние закатные отблески река Львиный След. Её сложно было с чем-то перепутать: тёмные воды были настолько широки, что с одного берега разглядеть второй удавалось с большим трудом.

— К ночи мы должны были быть в Наосе. Но, похоже, задержимся... — констатировал боеец, не скрывая того, что расстроен.

Застрять ночью на фавийской дороге — далеко не радужная перспектива. Эти земли издавна имели дурную славу. И хотя после прихода империи доблестные Совы — легионеры, названные так из-за золотых птичьих масок, скрывающих верхнюю половину лица, — навели здесь подобие порядка, фавийские провинции всё ещё оставались загадкой для Аструма. Самые близкие к охайской границе, тонущие в чёрных еловых лапах и переплетениях горных хребтов. Лучшее место, чтобы заплутать и встретить того, кого не хотел бы. Жители до сих пор не смогли унять горячую восточную кровь, отчего приезжие привыкли тщательно следить за кошельками и не путешествовать на экипажах даже ночью... А после того как в эти земли пришёл эгерум, стало совсем худо. Вольные эгеры чаще всего пустились в бега именно здесь — слишком сложно напасть на след там, где природа столь непокорна. Местные верили, что там, где вольные эгеры, — там и разбой, убийства и мрак знает что ещё. Им уже нечего было бояться: ни Сов, ни богов, ни клинка, ни пули. Поговаривали, что эгерум лишает всякого сострадания, а когда тебе совсем нечего терять...

Минуты тянулись одна за другой, а проводник всё не появлялся. Он уже давно мог оповестить пассажиров, что именно стало причиной поломки, и заверить, что очень скоро они каким-то образом продолжат путь до Наоса. Или хотя бы соврать что-то хоть немного успокаивающее.

— Дай-ка я гляну. — Тори подцепил пальцами оконную раму и поднял стекло, дав потокам холодного воздуха впрорхнуть в вагон. Он высунулся наружу, пытаясь рассмотреть,

что происходит в голове состава. — Там, кажись, дерево на путях...

— Дерево? — переспросил Абео.

— Ну да, дерево, ты глухой, что ли? — раздражённо повторил Тори.

— Но здесь нет леса...

Тут и до Тори наконец дошло. Вообще-то лес был практически везде, где они проезжали до этого, но на этом отрезке пути рельсы проходили вдоль каменистых склонов, а деревья начинали расти куда дальше, метрах в ста. Но Тори был уверен, что видит очертания изогнутых ветвей под колёсами локомотива.

— Пойдём посмотрим? — В его глазах сверкнул авантюристский огонёк.

— Думаю, это плохая идея. Давай просто подождём, пока машинист и проводники разберутся.

— Да ладно тебе! Испугался, что ли? — подначил его Тори.

— Виатор, это простая осторожность. Мало ли что там произошло?

— Не знал, что на севере разводят кур...

— Кур? — Абео явно не понял, к чему он клонит.

— Иначе откуда в моём купе взялся борейский цыплёнок?

Цып-цып-цып...

— Прекрати! Это не смешно!

— Тогда догоняй!

Тори бросился по коридору, и Абео не осталось ничего другого, кроме как нерешительно осмотреться и последовать за ним. Оставаться одному в такой момент почему-то совсем не хотелось. Выбравшись в тамбур, Тори без лишних церемоний отодвинул щеколду и с усилием отворил наружную дверь. Из-за накренившегося вагона она едва поддалась, прижатая собственным весом. Тори спрыгнул на землю и пошатнулся: в дороге он привык к мерному покачиванию поезда и стоять на твёрдой поверхности было слегка непривычно. Абео осторожно спустился следом, стараясь не испачкать одежду.

— Ага, вон они! — Тори указал в сторону локомотива, перед которым мелькали три человеческие фигуры. В одной

из них парни узнали проводника в высокой шляпе. Видимо, две другие были машинистом и его помощником. Приблизившись к ним, Тори и Абео опешили. То, что издалека казалось ветвями дерева, на деле оказалось рельсами. Мощные металлические балки были выкорчеваны из земли и закручены под причудливым углом. Так, словно сталь была невесомой и вот-вот могла поддаться случайному порыву ветра.

— Какого мрака тут произошло? — выпалил Тори, присев на корточки и оценивая масштаб катастрофы.

— Если б мы знали... — потёр подбородок мрачный машинист. — Представить не могу, кто способен сотворить такое.

— Может, медведь? — предположил проводник.

— Агмен, ты часто встречал медведей, которые могут разгрызть сталь?

Тот потупил взгляд, осознав нелепость сказанного.

— Ну а львы?

В ответ на новую гениальную теорию машинист смирил его таким взглядом, что несчастный Агмен поспешил замолчать и больше предположений не высказывал.

— Может, есть следы взрыва? — задумался Абео, разглядывая изуродованные рельсы, но не решаясь приблизиться к ним.

— Осколков нет. Может, конечно, охайская взрывчатка, но я слышал, что после неё всё чёрное, как уголь. А тут — блестят, как будто вчера начистили!

— Но не могли же они сами сломаться! — возразил Тори.

— Ну так расскажи нам, кто их «сломал», раз ты такой умный! — рявкнул машинист.

Проводник Агмен немного сконфузился от того, в каком тоне общался с пассажирами его товарищ. Тех, кто управляет поездом, не обязывают придерживаться хороших манер: в конце концов, котёл и рычаги не столь чувствительны, как пассажиры, заплатившие за билет. Поэтому машинист был прямолинеен и не выбирал выражений. Тори это нравилось: они говорили на одном языке без лишних расшаркиваний. Да и в такой ситуации всем уж точно было не до этикета.

— Виатор, взгляни, — прошептал Абео. Посмотрев туда, куда указывал борец, Тори поначалу ничего не заметил. Однако, вглядевшись, наконец различил какое-то движение возле пассажирских вагонов. Несколько человеческих силуэтов двигались почти бесшумно, но стремительно. Не теряя времени, они ловко вскрывали двери и просачивались в вагоны за считанные секунды.

— Скоты позорные, — прошипел машинист, выхватив лоток из ящика с инструментами и поспешив навстречу незваным гостям. Проводники последовали за ним, и Тори тоже решил не отставать.

— Стой! — Абео схватил его за рукав. — Давай переждём здесь!

— Да что они нам сделают? — отмахнулся Тори. — Я их положу одной левой!

— А если они вооруж...

Абео не успел договорить. Неожиданно ночную тишину разорвал оглушительный выстрел. Машинист крепко выругался и перешёл на бег. Агмен, проводник в высокой шляпе, развернулся и бросился к парням.

— Бегите, — запыхавшись, выпалил он. — Позовите помощь!

— Да тут же нет ни хрена, одни леса да поля! — вскинул руки Тори.

— Возле Наоса есть деревня Медный Холм. За ночь доберётесь!

— Да вас же тут всех порешают за это время!

— Я не просто так ношу этот значок, — дрожащим голосом возразил проводник, указав на брошь в виде железного колеса, приколотую к полям шляпы. Агмен явно переоценивал свои способности и полномочия. У себя в голове он, видимо, представлялся как минимум равным великому полководцу или члену императорского совета. Бесстрашный хранитель величайшего аструмского сокровища — железной дороги... — Мы справимся, но нам нужна помощь. Сообщите стражам, пока не стало слишком поздно.

С этими словами он драматически отвернулся и бросился обратно, мужественно расправив плечи. Тори и Абео рас-

терянно переглянулись. В эту секунду со стороны вагонов раздалось ещё несколько хлопков, после чего послышался пронзительный человеческий крик. Парни молниеносно рванули в сторону леса, темнеющего впереди. Рельсы скрывались в окружающей мгле и петляли между деревьями, расположенными непозволительно близко. Ноги сами несли прочь, сквозь стену мощных еловых веток, хлещущих по лицу и оставляющих на коже саднящие следы. Страх заполнял разум, а сердце едва не выскакивало из груди. Вереница шпал уводила всё дальше и дальше от завалившегося набок состава, пока тот окончательно не скрылся из виду.

Мелкий дождик, с вечера накрапывающий с хмурого неба, с каждым часом всё настойчивее заявлял о себе и вскоре превратился в ледяной ливень. Тори и Абео вымокли до нитки и продрогли настолько, что холод стал казаться естественным и привычным. Зубы будто всегда стучали, а покрасневшие кончики пальцев — ничего не чувствовали. Тепло слилось с обволакивающим потоком воды, будто пропустив его через себя.

Палатка, пара спальников, котелок, аптечка, фонарь, вода, еда. Всё это здорово облегчает пребывание в лесу и обеспечивает выживание. Всё это могло бы оказаться у наших героев, доберись они до Наоса этой ночью. Но судьба распорядилась иначе. В карманах у Абео сохранилась лишь потрёпанная карта и кошель с монетами, а в поясной сумке Тори — пара конфет и затупившийся карманный нож.

— Как только найдём стражей, вернёмся, — проговорил Тори, упрямо ступая вперёд и сражаясь с порывами ветра. Иногда приходилось сходить с размытой обочины и идти прямо по шпалам. Первая паника немного рассеялась, но думать всё ещё было тяжело. Если идти вдоль рельсов, они действительно приведут к ближайшему поселению. Вот только сколько до него идти? Сколько они уже прошли? И есть ли смысл во всём этом или вся команда железнодорожников давно мертва, а проклятые разбойники исчезли с награбленным?

— Зачем? — устало спросил Абео. Меньше всего на свете ему хотелось возвращаться туда, где его могли пристрелить.

— Забрать наши вещи.

— Лучше забудь о них, — вздохнул Абео. — Разбойники заберут всё ценное, что найдут.

— И мои кости?! Ну уж нет!

Занятно, что сильнее всего Виатора волновала именно пара кубиков, забытая на столе. Еда, одежда и деньги, видимо, были вторичны в его картине мира.

— Нужно вернуться и дать им просратья!

— Тори, это самоубийство. Да и не думаю, что они будут ждать тебя всю ночь...

— Ты что, не понимаешь? — Тори резко развернулся и схватил Абео за жилет. — Это *особые* кости. Они всегда приносят удачу. Всегда!

— Да прекрати наконец этот балаган!

Крик Абео эхом разнёсся по лесу. Стая птиц вспорхнула с деревьев, взрезав крыльями воздух. Стало оглушительно тихо. Абео сделался как никогда серьёзным, а его глаза сейчас действительно напоминали холодный прозрачный лёд. Он смотрел на Тори в упор, и его губы слегка подрагивали:

— Ты что, не понимаешь? Шутки кончились. Твой отец погиб. А ты думаешь о каких-то игрушках?!

— Ты и правда веришь, что твои вольные нам помогут? Наверняка там ждут такие же разбойники, как и те, что на поезд напали! Отрежут нам головы, и дело с концом!

— Если ты не веришь, то зачем пошёл со мной? — сухо спросил Абео. Сейчас он был совсем другим. В нём не осталось ни капли растерянности и мягкости, которая была свойственна ему обычно. — Я тебя не заставлял. Если ты передумал, то можешь возвращаться.

Абео отвернулся и уверенным шагом двинулся прочь. Тори замер, провожая своего спутника взглядом. Опавшие листья, смешавшиеся с дождевой водой и грязью, чавкали под ногами удаляющегося северянина. Ночной лес дремал, но был начеку, словно кошка, которая сквозь сон одним глазом наблюдает за тенями, трепещущими на стенах притихшего дома. Тяжело вздохнув, Тори звучно сплюнул на землю и бросился вслед за товарищем.

Медный Холм показался на горизонте не скоро. Точное время определить было невозможно: чёрные тучи заволокли небо, и не было видно ни звёзд, ни первых солнечных лучей. Но по своим ощущениям Абео мог предположить, что до рассвета осталось около часа. Различить очертания деревни удалось чудом: в одном из домов отчего-то до сих пор горел свет. Поселение оказалось не таким уж и маленьким: оно скорее напоминало небольшой городок, нежели деревню. Местная обитель стражей была скромной: два этажа, прохудившаяся местами крыша и выцветший пурпурный флаг с гербом империи возле ворот. Но, выслушав историю загадочных гостей, сонный трибун мгновенно взбодрился, и совсем скоро отряд выдвинулся в направлении произошедшей катастрофы, вооружённый координатами, которые Абео примерно смог назвать. Координатами, пистолетами и клинками. Оставалось надеяться, что им будет кого спасать, когда они придут на место.

Тори всё ещё чувствовал себя отвратительно из-за того, что струсил и предпочёл ябедничать стражам вместо того, чтобы сражаться с разбойниками лицом к лицу. Но, как бы ему ни хотелось это отрицать, Абео был прав: у них была цель и не добраться до неё, поймав по пути пулю, было бы весьма прискорбно. Чувство обиды приглушила смертельная усталость, которую Тори наконец ощутил в полной мере. Для них нашлась комната в местном трактире, и как только он скинул мокрую одежду и соприкоснулся головой с подушкой, мир вокруг сразу же перестал иметь значение. Абео расположился на соседней кровати и, вероятно, тоже не помнил себя от изнеможения — между носками его сапог, оставленных возле кровати, образовался небольшой зазор, а жилет, оставленный сушиться на спинке стула, покосился и сполз в сторону. Если уж Абео не разложил свои вещи так, словно их выставляли в столичном музее, значит, он действительно устал.

Парней ждала долгая дорога. Произошедшее спутало все планы, но находчивость Тори и обстоятельность Абео должны были быстро вернуть всё на круги своя. На сле-